

Вав 22537

0.89
I.

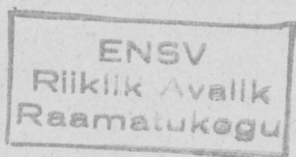
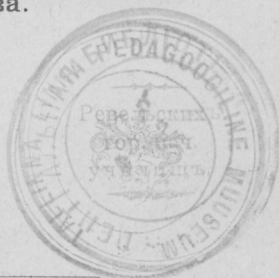
СОЧИНЕНІЯ

ДЖОНА РЁСКИНА

Сезамъ и Лилии.

ПЕРЕВОДЪ

Л. П. Никифорова.

2-267632:1

МОСКВА

Издание магазина „Книжное Дѣло“ и И. А. Баландина.

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 11 марта 1900 года.

Москва.

Типографія И. А. Баладина, Волхонка, домъ Михалкова.
1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ малому изданію 1882.

Настоящее изданіе „Сезама и Лилій“, являющееся по желанію стараго друга, перепечатано буквально съ перваго малаго изданія этой книги. Выброшено только неподходящее предисловіе относительно путешествій по Альпамъ; читатели, интересующіеся имъ, найдутъ его во второмъ томѣ Девкаліона, гдѣ оно болѣе умѣстно. Третья лекція, приложенная въ первомъ томѣ обширнаго изданія моихъ сочиненій, и многорѣчивое введеніе къ этому изданію тоже не помѣщены здѣсь; онѣ черезчуръ отдаленно касаются предмета этихъ чтеній и нарушаютъ ту простоту, съ какой эти двѣ первоначальныя лекціи разсматриваютъ величіе вліянія хорошихъ книгъ и хорошихъ женщинъ, если мы только умѣемъ читать первыя и уважать вторыя.

Я могъ бы точно также сказать, что предметъ этихъ лекцій: вліяніе хорошихъ мужчинъ и хорошихъ женщинъ, такъ какъ лучшая мощь мужчины проявляется въ его умственномъ трудѣ, а женщинъ—въ ихъ повседневныхъ дѣлахъ и въ ихъ характерѣ; и меня нѣсколько даже соблазняетъ вмѣшаться въ споры, которые могутъ возникнуть по поводу такого опредѣленія различія мощи мужчинъ и женщинъ, и сослаться лично на себя, такъ какъ еще на дняхъ одинъ изъ моихъ друзей довольно сильно смутилъ меня, замѣтивъ, что вліяніе мое, какъ ему кажется, гораздо больше обусловливается любезностью и отзывчивостью моего характера, чѣмъ моими книгами. Не касаясь этой любезности и отзывчивости, чтобы не уклоняться отъ разговора, я съ нѣкоторой раздражительностью попросилъ его замѣтить, что существуютъ міриады людей съ характеромъ во всякомъ случаѣ не худшимъ, чѣмъ у меня, и которые стали рабами, если не жертвами, свѣта, но что вліяніе моихъ

книгъ, очевидно, все возрастаетъ и что я надѣюсь и т. д... впрочемъ, не важно, что я дальше говорилъ и на что надѣялся, но очень важно, чтобы молодые читатели предлагаемыхъ очерковъ прониклись ихъ главной идеей и пришли къ твердой увѣренности, что существуетъ безусловное добро и зло въ книгахъ, въ искусствѣ и въ характерѣ, и что это безусловное добро и зло независимы отъ времени, моды, мнѣній или переворотовъ; что наше современное, крайне дѣятельное и ловкое поколѣние молодежи, благодаря Провидѣнію за оказанныя ему преимущества въ видѣ обладанія паровыми свистками и бициклами, не должно однако надѣяться прибавить что-нибудь существенное къ законамъ красоты въ звукахъ или граціи въ движеніяхъ, законамъ, признаннымъ во дни Орфея и Камилла.

Но меня тревожатъ болѣе серьезныя опасенія, которыя я не могъ даже предвидѣть, заканчивая эту книгу, уже старую, судя по тому, какъ люди измѣряютъ время. Съ тѣхъ поръ, какъ она была написана, не только вышеупомянутые свистки и бициклы вошли въ моду, но вмѣстѣ съ ними и многіе новые методы воспитанія и системы нравственности, не лишеныя нѣкоторой доли пользы въ будущемъ: гимназическое образованіе женщинъ и внѣгимназическое воспитаніе мужчинъ, позитивизмъ съ его религіей человѣчества и нигилизмъ съ его религіей хаоса, отъ сѣтей котораго молодежь, еслибъ хотѣла, могла бы избавиться. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ страшный реализмъ и матеріализмъ въ литературѣ и искусствѣ, а въ основѣ—теорію, отрицающую какъ свободу воли такъ и необходимость подчиняться какому-либо авторитету. Много тутъ очень умнаго, неопреодолимо увлекательнаго и оболѣстительно патетическаго, но все это не болѣе, какъ облака пыли, вздымаемая разнузданностью и пошлостью промышленнаго вѣка, который, съ укрощеніемъ этой разнузданности и упраздненіемъ современныхъ фабрикъ, долженъ въ свое время вернуться къ пониманію сущности тѣхъ явленій, которыя вѣчно были, есть и будутъ, хотя въ настоящее время люди серьезно озабочены только ѣдой и спаньемъ.

Чтобы не вводить въ заблужденіе и быть ясно понятымъ, я долженъ предупредить читателей „Сезама и Лилій“, что книга эта написана въ духѣ старой школы, что она безъ сожалѣнія, и не вдаваясь въ споры, игнорируетъ броженіе окружающихъ насъ элемен-

товъ, а для вѣчныхъ признаеть нѣкоторыя старомодныя условія, которыя современная философія считаеть исчезнувшими вмѣстѣ съ мамонтомъ и дронтомъ.

Такъ, второе чтеніе, какъ указываетъ самое его заглавіе— „Сады царицъ“, признаеть за несомнѣнное существованіе ихъ царственной власти, а стало быть, почтительности и дерзости; признаеть и рядомъ съ идеей о высшемъ и низшемъ положеніи, идею твердаго авторитета и счастливой покорности; признаеть богатство и бѣдность, не враждующія другъ съ другомъ, признаеть добродѣтель и порокъ, не смѣшивая одно съ другимъ.

Далѣе, я долженъ предупредить, что эта книга, главнымъ образомъ, предназначается для молодежи, принадлежащей къ высшимъ и среднимъ обеспеченнымъ классамъ, которые имѣють возможность выбирать предметы занятій по своему вкусу. Далѣе предполагается, что многіе изъ нихъ призваны будутъ занять отвѣтственные мѣста и что, подготавлиаясь къ этому, они могутъ теперь по желанію или играть въ лаунъ-теннисъ, или читать Платона.

Что у нихъ стало-быть имѣются какъ сочиненія Платона для чтенія, такъ и лужайки для бѣганія и лѣса для поэтическихъ прогулокъ, что библіотеки ихъ родителей, всегда имъ доступны, заключаютъ въ себѣ все необходимое для ихъ умственнаго развитія, такъ что имъ не приходится быть въ зависимости отъ ежемѣсячныхъ доставокъ книгъ изъ города.

Всѣ предполагаемыя условія не представляютъ ничего невѣроятнаго въ странѣ, хвастающей своимъ богатствомъ и безъ хвастовства дѣйствительно сохранившей еще въ своихъ деревенскихъ помѣстьяхъ наиболѣе совершенныя картины отрады и мира, какія можно встрѣтить въ Европѣ.

Мнѣ остается еще прибавить относительно этой книжки, что она была написана, когда моя энергія не была надломлена и духъ мой былъ вполнѣ бодръ; что въ ней и въ „Послѣднему что и первому“ заключаются тѣ главныя истины, которыя я въ теченіе всей моей жизни старался выяснитъ, и теперь, когда уже мнѣ грозитъ скорая смерть, я, главнымъ образомъ, благодарю Провидѣніе за то, что позналъ эти истины и училъ людей познавать ихъ.

СЕЗАМЪ и ЛИЛИ

Чтеніе I.—Сезамъ.

О царскихъ сокровищахъ.

„Каждый изъ васъ будетъ имѣть по пирогу изъ Сезама“.

Лукианъ: Рыболовъ.

1. Прежде всего, я считаю нужнымъ извиниться передъ вами за двусмысленность названія этой лекціи, такъ какъ въ ней я отнюдь не думаю бесѣдовать съ вами о царяхъ царствующихъ и о сокровищахъ, доставляющихъ богатства, а о совсѣмъ другихъ царяхъ и о совсѣмъ другихъ богатствахъ, чѣмъ тѣ, которыя принято называть этимъ именемъ. Я даже намѣревался, — насколько у меня хватило бы ловкости, — оставить васъ нѣкоторое время въ неизвѣстности (какъ дѣлаютъ иногда съ друзьями, желая поразить ихъ особенно любимымъ пейзажемъ) и скрыть отъ васъ то, что я желаю вамъ показать, пока мы извилистыми тропинками неожиданно не достигли бы вершины, съ которой передъ нами раскрылась бы вся картина. Но люди опытные въ дѣлѣ публичныхъ чтеній увѣрили меня, что слушатели больше всего утомляются тѣми усиліями, которыя имъ приходится дѣлать, чтобы слѣдить за лекторомъ, не дающимъ имъ нити для раскрытія его намѣреній. Поэтому я рѣшилъ съ самаго начала сбросить маску и откровенно сознаться, что хочу бесѣдовать съ вами о сокровищахъ, скрытыхъ въ книгахъ, и о томъ, какимъ путемъ мы можемъ найти ихъ или лишиться. Очень важный вопросъ, скажете вы, и очень обширный. Да, до того обширный, что я и не пытаюсь всецѣло охватить его, а намѣреваюсь только изложить передъ

вами нѣсколько простыхъ мыслей о чтеніи,—мыслей, которыя съ каждымъ днемъ все неотвязчивѣе преслѣдуютъ меня, по мѣрѣ того, какъ я слѣжу за ходомъ развитія общественнаго мнѣнія относительно увеличивающихся средствъ образованія и соотвѣтствующаго подъема уровня литературы.

2. Мнѣ приходится постоянно поддерживать сношенія съ различными школами и получать множество писемъ отъ родителей относительно воспитанія ихъ дѣтей. Въ массѣ этихъ писемъ меня всегда поражаетъ, что вопросъ „о положеніи въ свѣтѣ“ играетъ первенствующую роль во всѣхъ помыслахъ и заботахъ отцовъ, а тѣмъ болѣе матерей. „Воспитаніе, приличное для такого-то положенія въ жизни“,—таковы обычныя фразы, таковъ предметъ обычныхъ заботъ. Родители, насколько я могъ замѣтить, никогда не ищутъ просто хорошаго воспитанія; даже мысль о немъ рѣдко является у нихъ. Но воспитаніе, при которомъ „сынъ могъ бы носить приличное платье и съ увѣренностью, въ качествѣ пріятнаго гостя, звонить въ дверь, снабженную двойнымъ звонкомъ,—воспитаніе, которое помогало бы его успѣху въ жизни,—вотъ о чемъ мы умоляемъ васъ на колѣняхъ, вотъ единственно чего мы желаемъ“. Повидимому, родителямъ никогда даже смутно не представляется, что есть воспитаніе, которое само по себѣ ведетъ къ жизни, какъ и воспитаніе, которое все больше приближаетъ къ смерти, и что первое, главное и существенное воспитаніе можетъ быть достигнуто и дано гораздо легче, чѣмъ думаютъ родители, если приняться за него надлежащимъ образомъ, и что при ложномъ направленіи нѣтъ никакой возможности ни купить, ни получить его цѣной какихъ бы то ни было милостей.

3. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ, играющій первенствующую роль въ умахъ людей нашей самой дѣловитой страны (Англіи) или, по крайней мѣрѣ, который родители признаютъ съ величайшей откровенностью, выставляя его какъ самый пригодный стимулъ для развитія юношества, есть вопросъ „объ успѣхѣ въ жизни“. Разсмотримъ же практическое значеніе этого понятія и что, въ сущности, оно должно заключать въ себѣ.

„Пользоваться успѣхомъ въ жизни“ значить въ настоящее время блистать въ свѣтѣ, то-есть занимать положеніе, признанное другими за почтенное и почетное. Подъ этимъ успѣхомъ мы

разумѣмъ не быть богатымъ, а прослыть за богатаго, не совершить какой-нибудь подвигъ, а получить извѣстность героя, словомъ, удовлетвореніе нашей жажды одобреній и рукоплесканій. Эта жажда играетъ послѣднюю роль у людей сильныхъ и благородныхъ и самую главную у людей ничтожныхъ; а въ общемъ служить главнымъ стимуломъ челоуѣчества. Въ корнѣ всѣхъ величайшихъ усилій нашей расы лежитъ любовь къ похваламъ, а въ основѣ всѣхъ великихъ катастрофъ — любовь къ наслажденіямъ.

4. Я не намѣренъ здѣсь нападать на этотъ стимулъ, а хочу только дать вамъ почувствовать, какъ глубоко онъ лежитъ въ корнѣ всѣхъ усилій современнаго общества. Эта жажда удовлетворенія тщеславія такъ глубоко затрогиваетъ самые источники жизни, что задѣтъ наше тщеславіе мы считаемъ смертельной обидой, „смертельной“ въ томъ же смыслѣ, какъ гангрену или неизлѣчимую рану, и хотя немногіе изъ насъ знаютъ каково вліяніе этой страсти на здоровье и энергію, однако для большинства она является руководящимъ мотивомъ жизненной дѣятельности. Матросъ обыкновенно желаетъ попасть въ капитаны не въ силу сознанія, что онъ лучше другихъ можетъ управлять кораблемъ, а для того, чтобы его звали капитаномъ. Священникъ жаждетъ попасть въ епископы не въ силу увѣренности, что ничья другая рука не можетъ такъ твердо руководить епархіей, но, прежде всего, для того, чтобы называться вашимъ преосвященствомъ.

5. Таковъ главный стимулъ, направляющій каждого изъ насъ къ тому результату, который мы называемъ „успѣхомъ въ жизни или въ свѣтѣ“. Мы желаемъ попасть въ свѣтъ, или въ хорошее общество не для того, чтобы пользоваться имъ, а для того, чтобы насъ видѣли въ немъ; причѣмъ наше сужденіе о томъ, какое общество, лучше, опредѣляется степенью его блеска.

Извините, если я прерву на минуту лекцію, чтобы задать вамъ вопросъ, который вы, можетъ быть, сочтете дерзкимъ, но я никогда не могу продолжать лекціи, если не чувствую или не знаю, согласна-ли со мной моя аудиторія или нѣтъ. Въ началѣ мнѣ довольно безразлично, раздѣляетъ-ли она мои взгляды, но мнѣ нужно знать это; и въ данную минуту я желалъ бы спросить васъ: считаете-ли вы, что мотивы дѣятельности нашего общества, выставленные мной, слишкомъ низки, или же они согласны съ дѣй-

ствительностью? Я рѣшилъ сегодня выставить самыя низкіе мотивы, чтобы меня не упрекали въ преувеличеніи. Каждый разъ, когда я въ моихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ утверждаю, что извѣстная доля честности и великодушія должна быть принята въ расчетъ, какъ мотивъ человѣческой дѣятельности, мнѣ всегда возражаютъ: „Нѣтъ, вы не должны на это разсчитывать; это несвойственно человѣческой природѣ, общими свойствами которой должны быть признаны зависть и жажда наживы; всѣ же остальные чувства вліяютъ только случайно и въ вопросахъ, чуждыхъ дѣловой стороны“. Поэтому я сегодняставляю одинъ изъ самыхъ низкихъ мотивовъ, но мнѣ нужно знать, согласны-ли вы со мной или нѣтъ? Въ виду этого, позвольте мнѣ попросить поднять руку всѣхъ, допускающихъ, что любовь къ похвалѣ является обыкновенно самымъ сильнымъ мотивомъ, побуждающимъ людей добиваться успѣха въ свѣтѣ, а что честное желаніе выполнить извѣстную обязанность играетъ при этомъ вполнѣ второстепенную роль (человѣкъ 10 подымаютъ руку, а остальная аудиторія недоумѣваетъ, серьезно-ли лекторъ выражаетъ это желаніе, и отчасти стыдится выразить свое мнѣніе). Я говорю вполнѣ серьезно—мнѣ дѣйствительно нужно знать, что вы думаете; для этого еще разъ обращаюсь къ вамъ, но ставлю вопросъ обратно. Лица, считающія, что исполненіе обязанности играетъ обыкновенно главную роль, а любовь къ похвалѣ—второстепенную, пусть будутъ такъ любезны поднять руку (утверждаютъ что, поднимается только одна рука). Отлично! я вижу, что вы согласны со мной и находите, что мотивъ, выставленный мной не слишкомъ низокъ. Теперь, не утруждая васъ дальнѣйшими вопросами, я дерзаю предположить, что вы все-таки признаете исполненіе обязанностей, по крайней мѣрѣ, второстепеннымъ или третъестепеннымъ мотивомъ. Вы находите, что желаніе сдѣлать что-нибудь полезное, приобрести нѣчто дѣйствительно хорошее, является все же дѣйствительнымъ, хотя и побочнымъ, второстепеннымъ стимуломъ въ стремленіи людей достигнуть успѣха въ свѣтѣ. Вы допускаете, что умѣренно-честные люди добиваются мѣстъ и должностей, отчасти ради благотворной власти и охотнѣе присоединились бы къ разумнымъ и знающимъ людямъ, чѣмъ къ безумцамъ и невѣждамъ, безразлично, будутъ-ли ихъ замѣчать въ обществѣ первыхъ или нѣтъ. Наконецъ,

не смущаясь повтореніемъ обычныхъ трюизмовъ о громадномъ значеніи друзей и о вліяніи товарищей, вы, безъ сомнѣнія, допустите, что соотвѣтственно искренности нашего желанія имѣть вѣрныхъ друзей и мудрыхъ товарищей и по мѣрѣ серьезности и осторожности, съ какими мы выбираемъ тѣхъ и другихъ, растеть и вѣроятность нашего счастья и нашей полезности.

6. Но допуская въ насъ желаніе благоразумно выбирать хорошихъ друзей, мы должны признать, что это доступно очень немногимъ и что для большинства сфера выбора крайне ограничена. Почти все наши сношенія опредѣляются или случайностью, или необходимостью, и ограничены крайне узкимъ кружкомъ. Мы не можемъ пользоваться знакомствомъ съ тѣми лицами, съ которыми желаемъ, а кого знаемъ, не можемъ имѣть при себѣ въ тѣ моменты, когда наиболѣе въ нихъ нуждаемся. Все высшія сферы интеллигенціи человѣчества лишь на мгновенія и лишь отчасти доступны лицамъ, стоящимъ ниже ихъ. Мы можемъ при благопріятныхъ условіяхъ мелькомъ взглянуть на великаго поэта и услышать звукъ его голоса, или задать вопросъ человѣку науки и получить отъ него добродушный отвѣтъ. Мы можемъ добиться десятиминутной аудіенціи въ кабинетѣ министра и выслушать нѣсколько словъ, гораздо худшихъ по ихъ лживости, чѣмъ любое молчаніе; можемъ, наконецъ, разъ или два въ жизни воспользоваться случаемъ, чтобы бросить букетъ къ ногамъ какой-нибудь принцессы, или уловить милостивый взглядъ королевы. И мы жадно ловимъ эти минуты и тратимъ годы, силы и страсти въ преслѣдованіи этихъ цѣлей, тогда какъ у насъ всегда есть общество людей, готовыхъ бесѣдовать съ нами сколько мы хотимъ, не взирая на наше положеніе въ свѣтѣ и на наши занятія, — бесѣдовать съ нами самымъ лучшимъ образомъ и о предметахъ, наиболѣе близкихъ нашему сердцу.

Но мы не придаемъ никакого значенія и не прислушиваемся къ этому обществу царей и государственныхъ мужей, хотя оно многочисленно, благородно и готово цѣлые дни проводить съ нами, терпѣливо взирая на насъ съ обильно снабженныхъ и плотно уставленныхъ полокъ нашихъ книжныхъ шкафовъ, чтобъ не даровать намъ а получить ее отъ насъ, аудіенцію.

7. Вы, можетъ быть, скажете или подумаете, что равнодушіе,

съ какимъ мы относимся къ этому обществу благородныхъ людей, просящихъ насъ выслушать ихъ, и та ревность, съ какой мы добиваемся общества людей ничтожныхъ, презирающихъ насъ и ничему не могущихъ насъ научить, основано на томъ, что мы хотимъ видѣть лица живыхъ людей и желаемъ ознакомиться съ ними самими, а не съ ихъ рѣчами. Но это невѣрно. Предположите, что вамъ никогда не пришлось бы увидать ихъ лицъ, что васъ помѣстили бы за ширмами въ кабинетъ государственнаго сановника, развѣ вы не радовались бы возможности слушать его слова, хотя бы вамъ и запрещено было выходить изъ-за ширмъ? Но когда ширмы нѣсколько меньше и составлены изъ двухъ крышекъ переплета, скрывшись за которыми вы по цѣлымъ днямъ можете прислушиваться не къ случайной болтовнѣ, а къ обдуманномъ, опредѣленномъ, избранномъ бесѣдамъ мудрейшихъ людей, вы презираете такую мирную аудіенцію, такую почетную тайную бесѣду.

8. Но, можетъ быть, вы возразите, что живущіе люди толкуютъ о современныхъ вещахъ, имѣющихъ для васъ непосредственный интересъ, и вотъ почему вы такъ жаждете ихъ слушать. Нѣтъ, и это не вѣрно, потому что живые люди и по современнымъ вопросамъ гораздо лучше все сообщать вамъ въ своихъ писаніяхъ, чѣмъ въ небрежныхъ разговорахъ. Однако, я допускаю что этотъ мотивъ имѣетъ извѣстное значеніе, поскольку вы предпочитаете эти скорыя и минутныя писанія болѣе медленнымъ и основательнымъ: т.-е. книгамъ въ истинномъ значеніи этого слова. Вѣдь, всѣ книги мы можемъ раздѣлить на двѣ группы: на книги для данной минуты и на книги для всѣхъ вѣковъ. замѣтите это различіе; оно не только качественное, но и родовое. Есть хорошія и дурныя книги, какъ для данной минуты, такъ и для всѣхъ вѣковъ. Прежде чѣмъ итти дальше, мнѣ нужно опредѣлить это различіе.

9. Хорошія книги для данной минуты, — о дурныхъ я не стану говорить, — это просто полезныя или пріятныя бесѣды, написанныя для васъ человѣкомъ, съ которымъ вы иначе бесѣдовать не можете. Часто онѣ бываютъ очень полезны и сообщаютъ то, что вамъ нужно знать, нерѣдко — очень пріятны, какъ была бы пріятна бесѣда разумнаго пріятели. Обширные отчеты о путешествіяхъ, веселыя и остроумныя разсужденія по различнымъ вопросамъ, живые и патетическіе разказы въ формѣ новеллъ, ясныя передачи фактовъ

дѣйствительными участниками событій,—все это книги минутныя, все больше распространяющіяся въ публикѣ по мѣрѣ того, какъ образованіе становится общедоступнымъ, что и составляетъ особое преимущество нашего вѣка; мы должны быть за нихъ благодарны и стыдиться, если не умѣемъ должнымъ образомъ цѣнить ихъ, или если замѣняемъ ими истинныя книги, такъ какъ, строго говоря, онѣ совсѣмъ не книги, а просто письма или газеты въ хорошемъ изданіи.

Письма нашихъ друзей могутъ быть восхитительны и необходимы намъ въ данную минуту, но стоитъ-ли ихъ сохранять—это другой вопросъ. Газета вполне можетъ быть пригодна за завтракомъ, но, конечно, не для того, чтобы читать ее по цѣлымъ днямъ. Точно также и длинное письмо, переплетенное въ отдѣльный томъ, дающее вамъ интересный отчетъ о гостиницахъ и дорогахъ, о погодѣ, бывшей въ такой-то мѣстности въ прошломъ году, или сообщающее вамъ занятую исторію, знакомящее съ дѣйствительными эпизодами извѣстнаго событія, какъ ни цѣнно для случайной бесѣды, не можетъ, однако, быть названо книгой въ точномъ значеніи этого слова, и слово „читать“, строго говоря, непримѣнимо къ нему. Книга не есть бесѣда, а писаніе, и притомъ съ цѣлью не простого сообщенія, а увѣковѣченія. Книги перваго рода напечатаны только потому, что авторъ не можетъ разомъ говорить съ тысячею людьми; еслибъ могъ, то сталъ бы, и этотъ томъ только замѣняетъ его голосъ. Вы не можете говорить съ вашимъ другомъ, находящимся въ Индіи; еслибы могли, то стали бы; вмѣсто того, вы пишете, чтобы голосъ вашъ былъ услышанъ. Но истинная книга пишется не для того только, чтобы голосъ былъ услышанъ возможно большимъ числомъ людей, но чтобы увѣковѣчить сказанное. Авторъ имѣетъ сказать нѣчто истинное, полезное и дивно прекрасное. Насколько онъ знаетъ, никто еще этого не высказывалъ и, насколько онъ чувствуетъ, никто, кромѣ него, и не можетъ такъ высказать. И потому онъ обязанъ сказать ясно—и звучно, если можно,—но ясно во всякомъ случаѣ.

Въ итогъ своей жизни онъ находитъ, что это единственная вещь или группа вещей, которая ему стала очевидна,—что это частица истиннаго знанія или ясновидѣнія, которую земля и небо дали ему возможность схватить. Ему хотѣлось бы запечатлѣть это навѣки,

начертать рѣзцомъ на скалѣ, какъ бы говоря: „Вотъ то лучшее, что было во мнѣ; въ остальномъ я ѣлъ, пилъ, спалъ, любилъ и ненавидѣлъ, какъ и всѣ люди; жизнь наша подобна пару: была и нѣтъ ея; но это та частица моего „я“, которая достойна вашего вниманія, вашей памяти“. Таково его „писаніе“, таково, при всей скромности его доли, то, что внушено ему вдохновеніемъ.

Такова истинная „книга“.

10. Можетъ быть, вы думаете, что никогда книги такъ не писались?

Но позвольте еще разъ спросить васъ, неужели вы совсѣмъ не вѣрите въ честность или въ доброту? Неужели вы думаете, что никогда у мудрыхъ людей не было ни честности, ни любви къ людямъ? Нѣтъ, я надѣюсь, что никто изъ насъ не настолько несчастенъ, чтобы думать это. И вотъ та частица работы мудраго человѣка, которая выполнена имъ честно и подъ вліяніемъ безкорыстной любви, и есть его книга, его произведеніе искусства *).

Въ ней всегда найдутся недостатки: кое-что не додѣлано, иное не такъ сдѣлано, какъ бы слѣдовало; встрѣчаются и нѣкоторыя преувеличенія и аффектаціи. Но если вы будете читать должнымъ образомъ, то легко отыщете истинно-цѣнныя крупинки, и онѣ-то и составляютъ книгу.

11. Такія книги во всѣ вѣка написаны были величайшими людьми—проповѣдниками, государственными сановниками и мыслителями. Всѣ эти книги къ вашимъ услугамъ; вамъ стоитъ только выбирать, а жизнь коротка. Послѣднее вы слышали не разъ, но старались-ли вы измѣрить ее и опредѣлить, что возможно сдѣлать въ теченіе ея? Знаете-ли вы, что, прочтя одно, вамъ не удастся прочесть другого, и чего вы лишитесь сегодня, уже не вернете завтра?

---

*) Тщательно запомните это и сравните съ слѣдующими словами 106 § „Царицы Воздуха“: „Основой искусства служить нравственный характеръ. Конечно, даръ искусства и доброта характера—двѣ различныя вещи: хорошій человѣкъ не долженъ быть неизбѣжно художникомъ, и искусство не обуславливаетъ чистоты души. Но великое искусство предполагаетъ соединеніе обоихъ этихъ условій и является выраженіемъ какъ дара искусства, такъ и чистоты души. Если нѣтъ дара, нѣтъ и искусства; если нѣтъ души, и притомъ честной, то при всей ловкости можетъ быть только дурное искусство. (Queen of the Air. § 106).

Станете-ли вы болтать съ вашей горничной или съ вашимъ конюхомъ, если имѣете возможность бесѣдовать съ царицами и царями, или, при должномъ сознаниі собственнаго достоинства, станете-ли вы вмѣстѣ съ жадной и пошлой толпой тѣниться, добываясь права входа у однихъ и аудіенціи у другихъ, когда всегда для васъ открытъ этотъ безсмертный царскій дворъ съ его обществомъ, обширнымъ, какъ міръ, многочисленнымъ, какъ дни, и составленнымъ изъ самыхъ мощныхъ избранниковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ? Вы всегда можете вступить въ него и занять товарищеское мѣсто соотвѣтственно вашему желанію; изгнаны же изъ него можете быть только по собственной винѣ.

Степению аристократичности вашего товарищества въ немъ измѣняется и ваше собственное величіе, а мотивы, побуждающіе васъ занять высшее положеніе въ обществѣ живущихъ, опредѣляется по всей правдѣ и справедливости мѣстомъ, которое вы хотите занять въ обществѣ умершихъ.

12. „Мѣсто, которое вы хотите занять“ и для „котораго вы подготовили себя“, долженъ я прибавить, потому что дворъ умершей аристократіи отличается отъ дворцовъ живущей аристократіи тѣмъ, что онъ доступенъ только труду и заслугамъ. Никакія богатства не подкупаютъ, никакія громкія имена не умоляютъ, никакая искусственность не введетъ въ заблужденіе стражей, охраняющихъ входъ въ эти Елисейскія поля. Никто изъ людей низкихъ и пошлыхъ никогда не проникнетъ туда.

У вратъ этого молчаливаго Сенъ-Жерменскаго предмѣстья задается только одинъ краткій вопросъ: „Достойны ли? Если да, то входите“. Стремясь быть сотоварищемъ людей благородныхъ, будьте сами благородны и вы станете ихъ другомъ. Жаждете-ли вы бесѣды съ мудрыми? Научитесь понимать ихъ и вы ихъ услышите, другіе же пути невозможны. Если вы не возвыситесь до нихъ, то они не могутъ снизойти до васъ. Живой лордъ можетъ изъ вѣжливости притвориться вашей ровней, живой философъ разяснить вамъ свои мысли, дѣлая усилія, чтобы снизойти до вашего пониманія, но тамъ нѣтъ ни притворства, ни усилій; вы должны возвыситься до уровня высоты ихъ мыслей, если хотите быть радостно приняты ими и цѣнить ихъ чувства, чтобы пользоваться ихъ присутствіемъ.

13. Вотъ что вамъ предстоитъ сдѣлать, и я охотно соглашаюсь, что это не легко. Вы должны, словомъ, полюбить этихъ людей, чтобы быть въ ихъ обществѣ. Никакое честолюбіе тутъ не помогаетъ, а вызываетъ въ нихъ лишь одно презрѣніе. Вы должны любить ихъ и выказывать вашу любовь слѣдующими двумя способами:

I. Прежде всего, искреннимъ желаніемъ учиться у нихъ и проникнуться ихъ мыслями. Замѣьте, проникнуться ихъ мыслями, а не стараться находить у нихъ свои. Если человѣкъ, написавшій книгу, былъ не умнѣе васъ, то зачѣмъ вамъ читать его? Если же онъ былъ умнѣе, то безспорно думалъ во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ вы. Мы охотно говоримъ о книгѣ: „Какъ она хороша! Въ ней именно то, что мы думали!“ Тогда какъ намъ слѣдовало бы говорить совсѣмъ другое: „Какъ это удивительно! Я никогда не думалъ такъ прежде, а между тѣмъ это совершенно вѣрно; и если тутъ есть кое-что не совсѣмъ еще для меня ясное, то я надѣюсь современемъ понять и это“. Но отнесетесь-ли вы съ такимъ смиреніемъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ знайте, что вы обращаетесь къ автору за его пониманіемъ, а не для того, чтобы встрѣтить тамъ свое. Относитесь къ нему критически впослѣдствіи, если сочтете себя вправѣ, но прежде всего уясните его себѣ. При этомъ будьте увѣрены, что если авторъ стоить чего-нибудь, то вы не сразу поймете его, и что вамъ придется сдѣлать не мало усилій, чтобы вполне уяснить его мысль. Высказывая рѣшительно все, что думаетъ, и притомъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, онъ все же не можетъ и, — что еще удивительнѣе — не хочетъ сдѣлать этого иначе, какъ скрытно, въ формѣ притчъ, желая убѣдиться, что вы дѣйствительно нуждаетесь въ немъ. Я не могу вполне понять причины того жестокаго упорства, съ какимъ мудрые люди всегда скрываютъ самыя глубокія свои мысли. Они ничуть не стараются облегчить намъ пониманіе, а даруютъ послѣднее въ видѣ награды, предварительно убѣдившись, что мы того заслуживаемъ. То же самое и относительно физическаго представителя мудрости, относительно золота. Ни вы, ни я не можемъ понять, почему бы, благодаря магнетическимъ силамъ земли, всему золоту не скопиться на вершинахъ горъ, такъ, чтобъ цари и народы знали, что оно все находится тамъ, и могли бы навѣрняка добывать его и чеканить сколько имъ нужно

денегъ, не тревожась копать землю и терять бесполезно время на неудачные поиски. Но природа поступает иначе. Она распредѣляетъ его мелкими жилками по землѣ, неизвѣстно гдѣ и какъ, такъ что вы можете долго копать и ничего не найти и мучительно трудиться, прежде чѣмъ раздобыть нѣсколько крупинокъ.

14. То же самое и съ высшей мудростью людей. Когда вы берете хоршую книгу, то должны задать себѣ вопросъ: „Расположенъ-ли я работать, какъ австралийскій рудокопъ? Въ порядкѣ-ли мои кирки и лопаты, въ бодромъ-ли я настроеніи, засучены-ли мои рукава до локтей, глубоко-ли дышетъ моя грудь и весело-ли я принимаюсь за работу?“ Продолжая эту аллегорію дальше, даже подъ опасеніемъ надоѣсть вамъ, я скажу, что такъ какъ металлъ, добываемый вами, это мысли автора, то слова и являются той скалою, которую вамъ приходится разбивать и дробить, чтобы добраться до самой сути. Кирками служатъ ваши усилія, умъ и знаніе, плавильной же печью вдумчивая ваша душа. Не рассчитывайте добраться до значенія цѣнной мысли автора безъ этихъ орудій и безъ этого огня; часто вамъ понадобится самый тонкій острый рѣзецъ и самое терпѣливое плавленіе, прежде чѣмъ вы въ состояніи будете добыть хоть одну крупинку чистаго металла.

15. Поэтому я прежде всего говорю вамъ серьезно и авторитетно (зная свою правоту), что вы должны пріобрѣсти привычку внимательно присматриваться къ употребляемымъ словамъ и къ ихъ значенію, разбирая ихъ слогъ за слогомъ, буква за буквой. Въ силу именно противопоставленія буквъ звукамъ въ смыслѣ знаковъ, изученіе книгъ и называется литературой *), а человѣкъ, занимающійся ею, — литераторомъ, человѣкомъ книги или слова. Въ связи съ этимъ названіемъ находится тотъ дѣйствительный фактъ, что вы можете перечитать всѣ книги Британскаго музея (если хватитъ жизни) и остаться не литераторомъ, а человѣкомъ вполне необразованнымъ; но если вы прочитаете десять страницъ хорошей книги, слѣдя буква за буквой, т.-е. съ надлежащимъ вниманіемъ, то въ извѣстной степени будете истинно-образованнымъ человѣкомъ. Въ этомъ состоитъ все различіе между образованностью и невѣжествомъ (съ чисто-интеллектуальной стороны). Хорошо воспитанный

*) Отъ слова литера—буква.

джентльменъ можетъ не знать многихъ языковъ, говорить только на своемъ родномъ и прочесть очень немного книгъ. Но тотъ языкъ, который онъ знаетъ, онъ изучилъ въ точности и правильно употребляетъ слова; онъ прежде всего знакомъ съ истиннымъ значеніемъ словъ; сразу отличаетъ грубыя современныя слова отъ словъ древняго, истинно-благороднаго происхожденія; знаетъ всѣхъ предковъ послѣднихъ, все ихъ родство, прямое и косвенное; знаетъ, насколько широкъ кругъ ихъ примѣненія и ихъ служебное и общественное положеніе въ ряду національной аристократіи словъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Необразованный же человѣкъ можетъ запомнить много языковъ, говорить на нихъ и, въ дѣйствительности, не понимать ни одного слова даже родного языка. Обычно умный и смысленный морякъ можетъ въ любой гавани заставить понять себя и добиться нужныхъ указаній, но каждая его фраза на любомъ языкѣ ясно свидѣтельствуетъ, что онъ литературно необразованъ, и наоборотъ, одно удареніе, одинъ оборотъ рѣчи, одно какое-нибудь изреченіе сразу указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ образованнымъ. И это такъ сильно чувствуется и такъ рѣшительно признается образованными людьми, что достаточно невѣрнаго ударенія или ошибки въ слогѣ, чтобы человѣкъ въ парламентѣ любой цивилизованной страны разъ навсегда занялъ довольно низкое положеніе.

16. Все это вполне справедливо; бѣда только въ томъ, что люди не настаиваютъ на еще большей точности, ради еще болѣе серьезной цѣли. Вполнѣ справедливо, что исковерканная латинская цитата вызываетъ улыбку въ палатѣ общинъ, но очень жаль, что ложно придаваемое значеніе англійскому слову или фразѣ не вызываетъ неудовольствія. Пусть строго слѣдятъ за удареніемъ, но еще строже за правильнымъ употребленіемъ словъ, и тогда гораздо меньшаго количества послѣднихъ будетъ вполне достаточно. Очень немного словъ, хорошо подобранныхъ и мѣткихъ, отлично замѣнять тысячи словъ съ двусмысленнымъ значеніемъ, употребляемыхъ вкривь и вкось. Да, многія слова, если тщательно не вникать въ ихъ смыслъ, имѣютъ иногда пагубное значеніе. У насъ въ Европѣ никогда еще не было такъ много маскирующихъ словъ, громкихъ и неопредѣленныхъ, какъ въ настоящее время, что отлично характеризуетъ распространеніе пустого, напыщеннаго, мишурнаго

развитія или вѣрнѣе — разложенія, вслѣдствіе обученія въ школахъ катехизисамъ и фразамъ, лишеннымъ человѣческаго смысла.

Да, повторяю, мы питаемъ особенное пристрастіе къ маскирующимъ иностраннымъ словамъ; ихъ никто не понимаетъ, но всѣ ихъ употребляютъ, и за нихъ многіе люди готовы бороться и умереть, воображая себѣ, что слова эти означаютъ ту или другую дорогую имъ вещь; такія слова дѣйствительно являются шкурой хамелеона, принимающей любые оттѣнки соотвѣтственно фантазіи людей. Нѣтъ, и не было еще такихъ злобныхъ хищниковъ, такихъ хитрыхъ дипломатовъ и такихъ смертельныхъ ядовъ, какъ эти маскирующія слова; они являются невѣрными, несправедливыми руководителями всѣхъ человѣческихъ мыслей; всѣ излюбленныя нами фантазіи, всѣ наши дурныя инстинкты мы прикрываемъ излюбленными маскирующими словами, прячась подъ ихъ защиту; и слово, въ концѣ-концовъ, пріобрѣтаетъ такое магическое значеніе, что вы ничего не добьетесь отъ насъ, не прибѣгая къ его защитѣ.

17. Въ нарѣчіяхъ такого смѣшаннаго происхожденія, какъ англійскій языкъ, роковая сила двусмысленныхъ значеній придается невольно словамъ, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы хотимъ придать болѣе торжественное или благоговѣйное значеніе извѣстной идеи, мы пользуемся греческими или латинскими словами, а для болѣе вульгарнаго — саксонскими или другими общеупотребительными. На людей, привыкшихъ принимать форму слова, за силу, о которой это слово вѣщаетъ имъ, поразительное вліяніе имѣло бы, напримѣръ, то обстоятельство, еслибы мы или совсѣмъ отбросили греческое слово „библія“, или всегда употребляли его для обозначенія всякой книги, а не примѣняли бы его только въ одномъ извѣстномъ случаѣ. Какъ полезно было бы для простыхъ людей, еслибы въ такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ 19 стихѣ 19 главы Дѣяній Апостоловъ, мы сохранили бы греческое слово и читали бы этотъ стихъ такъ: „изъ занимавшихся чародѣйствомъ, многіе, собравши бібліи свои, сожгли предъ всѣми и сложили цѣны ихъ, и оказалось ихъ на пятьдесятъ тысячъ драхмъ“. Или, наоборотъ, всегда говорили бы „священная книга“ — вмѣсто „священная біблія“; тогда, можетъ быть, большому количеству людей пришла бы на умъ мысль, что слово Божіе, „которымъ въ началѣ небеса и земля сотворены и которымъ сохраняются онѣ и по нынѣ“, не можетъ въ сафьяновомъ переплетѣ служить предме-

томъ подарковъ или разбрасываться по дорогамъ при помощи паровозовъ, но что оно, тѣмъ не менѣе, ежедневно предлагается намъ и всегда нами позорно отвергается, постоянно влагается намъ въ душу и безошадно нами губится.

18. Затѣмъ, посмотрите, какое вліяніе на обычный умъ англичанъ имѣла замѣна греческаго *κατακλιν* звучнымъ латинскимъ „damno“ — проклиная, когда желаютъ придать ему грозное и умѣреннымъ *condemno*—осуждаю, при болѣе мягкомъ значеніи; сколько замѣчательныхъ проповѣдей произнесено литературно-необразованными духовными лицами на тему извѣстныхъ словъ Спасителя: „не вѣрующій же проклять *) будетъ“, хотя они содрогнулись бы, еслибы имъ предложили замѣнить слово „осуждаю“ словомъ „проклиная“ въ 7 ст. 11 гл. посл. къ Евреамъ: „вѣрно осудилъ онъ весь міръ и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ“ или въ 8 гл. отъ Іоан. ст. 10—11: „Женщина! никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: „Никто, Господи!“ Иисусъ сказалъ ей: „И я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши“. Какую массу благороднѣйшихъ человѣческихъ душъ, безчисленныхъ, какъ древесныя листья, заставило въ неистовомъ отчаяніи отшатнуться отъ христіанства, и какой страшный расколъ въ умахъ европейцевъ, стоившій потоковъ крови, вызвало простое употребленіе греческаго слова „эклезія“ съ цѣлью придать религіознымъ собраніямъ особенное благоговѣйное значеніе, или употребленіе такихъ двусмысленныхъ выраженій, какъ, напр., простонароднаго англійскаго слова „присьтъ“ — (*priest* — священникъ), сокращеннаго отъ слова пресвитерь—старѣйшій.

19. Теперь, чтобы правильно употреблять слова, вы должны составить себѣ слѣдующую привычку. Почти все слова въ вашемъ языкѣ — иностраннаго происхожденія; они были первоначально саксонскими, германскими, французскими, латинскими и греческими (не говоря уже о восточныхъ нарѣчіяхъ), а многія были словами всехъ этихъ языковъ, т.-е. были сначала греческими, затѣмъ латинскими, французскими, германскими и, наконецъ, стали англійскими, претерпѣвъ извѣстное измѣненіе смысла въ устахъ каждой націи, но сохранивъ глубокое жизненное значеніе, которое чув-

*) У насъ въ переводѣ именно и встрѣчается слово „осуждень“, а не проклять.

ствуется всѣми истинными учеными при ихъ употребленіи даже въ настоящее время. Если вы не знаете греческой азбуки, то выучите ее всѣ, молодые и старые, юноши и дѣвушки; намѣриваясь серьезно читать (что, конечно, предполагаетъ въ вашемъ распоряженіи извѣстный досугъ), выучите вашу греческую азбуку, раздобудьте хорошіе словари всѣхъ вышеупомянутыхъ языковъ и какъ только у васъ возникнетъ сомнѣніе относительно какого-либо слова, тщательно займитесь отысканіемъ его. Прочтите лекціи Макса Мюллера, и затѣмъ пусть ни одно слово, значеніе котораго не вполне для васъ ясно, не ускользаетъ отъ вашего анализа. Это трудная работа, но даже съ самаго начала она покажется вамъ интересной, а подѣ концѣ даже пріятной. Что же касается воспитательнаго вліянія ея на вашъ характеръ въ дѣлѣ выработки энергіи и точности, то въ этомъ отношеніи благотворное значеніе ея неизмѣримо.

Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что вы должны знать или пытаться изучить греческій, латинскій, или французскій языки. Чтобы въ совершенствѣ изучить какой-нибудь языкъ, нужно посвятить ему всю жизнь. Но вы легко можете усвоить себѣ то значеніе, какое постепенно получали англійскія слова и въ какомъ они употребляются и по настоящее время въ произведеніяхъ лучшихъ писателей.

20. Исключительно ради примѣра я, съ вашего позволенія, тщательно прочту съ вами нѣсколько строкъ изъ настоящей книги и, мы посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Я возьму книгу, отлично знакомую всѣмъ вамъ. У насъ нѣтъ болѣе популярной книги и, однако очень немногіе читали ее съ должнымъ вниманіемъ. Я возьму слѣдующія строки изъ Мильтона:

Но послѣ всѣхъ предсталъ
 Маститый кормчій нашъ въ водахъ Тиверіады.
 Въ десницѣ два ключа держалъ онъ: золотой
 Назначень отмыкать, а заирать—желѣзный.
 И грозно началъ рѣчь, кивнувши головой,
 Сіяющей вѣнцомъ его тиары звѣздной:
 „Охотно-бъ за тебя, о пастырь молодой,
 Я отдалъ всѣхъ рабовъ, что проползали въ щели,
 Иль къ стаду вторгнулись, иль влѣзли черезъ верхъ.
 Въ стремленіяхъ они иной не знаютъ дѣли,

Какъ стричь своихъ овецъ; и жезлъ ихъ тѣхъ отвергъ,
 Кто всѣхъ полезнѣе, достойнѣй и усерднѣй.
 Слѣбные рты! хотъ жезлъ держать они-бъ могли
 И направляли бы усилія свои
 На тѣ дары, какихъ исполненъ пастыръ вѣрнѣй.
 Но имъ не нужно ихъ! Ихъ овцы вдалькѣ
 Разсѣяны однѣ безъ крова и безъ пищи.
 Напрасно ихъ пастухъ сзываетъ—жалкій нищій!—
 Наигрывая пѣснь призыва на рожкѣ.
 Нѣтъ, вѣтромъ вздутые, они ее не знаютъ,
 На жертву отданы растлѣнью и чумѣ.
 И волки хищные, бродящіе во тмѣ,
 Ихъ безнаказанно и дерзко похищаютъ“.

Вдумаемся въ этотъ отрывокъ и рассмотримъ заключающіяся въ немъ слова.

Вопервыхъ, не странно-ли, что Мильтонъ приписываетъ св. Петру не только санъ епископа, но даже и тотъ типъ его, противъ котораго протестанты обыкновенно возмущаются всего сильнѣе: „кивнувши головой, сіяющей вѣнцомъ тіары звѣздной“.

Мильтонъ не былъ приверженцемъ епископальной церкви; ка-кимъ же образомъ св. Петръ является у него съ тіарой?

„Въ десницѣ два ключа держалъ онъ“.

Тѣ ли это ключи, на которые предъявляютъ права римскіе первосвященники, или Мильтонъ прибѣгаетъ здѣсь къ поэтической вольности ради большей яркости картины, желая чтобы блескъ золотого ключа содѣйствовалъ эффекту?

Не думайте этого. Великіе люди не шутятъ ученіями жизни и смерти; такъ поступаютъ только мелкія души. Мильтонъ думаетъ именно то, что говорить, и думаетъ всей мощью своего ума, влагая всю силу духа въ то, что онъ высказываетъ. Не любя ложныхъ епископовъ, онъ былъ приверженцемъ истинныхъ, и этотъ кормчій является здѣсь, по его мнѣнію, типомъ и представителемъ истинной епископальной власти. Мильтонъ вполне искренно читаетъ слова евангелія: „и Я дамъ тебѣ ключи царства небснаго.“ Оставаясь пуританиномъ, онъ не захотѣлъ вычеркнуть ихъ изъ книги въ силу только того, что есть и были недостойные епископы. И мы, чтобы понять его, должны прежде всего уяснить себѣ этотъ стихъ, а не коситься на него и не шептать его сквозь зубы, считая его орудіемъ враждебной секты. Нѣтъ, это торжественное всемірное утверждение

глубоко должно запечатлѣться въ памяти людей всѣхъ сектъ. Но мы, можетъ быть, будемъ болѣе способны разсуждать объ этомъ, если пойдемъ нѣсколько дальше и затѣмъ снова вернемся къ этому мѣсту. Ясно, что это опредѣленное указаніе на власть истиннаго епископства сдѣлано съ цѣлью заставить насъ сильнѣе почувствовать всѣ ложныя притязанія какъ епископата, такъ и всевозможныхъ духовныхъ лицъ, которые ради своихъ узко-эгоистическихъ цѣлей, „проползли въ щели, иль къ стаду вторгнулись, иль влѣзли черезъ верхъ.“

21. Не думайте, что Мильтонъ употребляетъ эти три слова просто для полноты стиха, какъ дѣлаютъ это обыкновенно дюжинные писатели. Нѣтъ, всѣ три нужны ему—и именно эти три, не болѣе: проползли, вторгнулись, влѣзли черезъ верхъ. Никакія другія слова не могли бы такъ ясно выразить его мысли, и никакое лишнее слово ничего не прибавило бы. Они вполне характеризуютъ три рода людей, которые по отличительнымъ свойствамъ ихъ природы безчестно доискиваются духовной власти. Прежде всего стоятъ люди, проползавшіе въ щели; они не заботятся ни о своей должности, ни о славѣ, а исключительно только о тайномъ вліяніи; они дѣйствуютъ всегда изподтишка, соглашаясь на любое раболѣпіе въ дѣлѣ служебныхъ обязанностей, лишь бы только имѣть возможность проникнуть въ души и безъ разбора управлять умами людей. Затѣмъ слѣдуютъ вторгнувшіеся въ стадо, т. е. люди, которые, по природной наглости сердца, хотя, путемъ безстрашнаго и упорнаго самоутвержденія, заставляютъ слушать себя и пріобрѣтаютъ авторитетъ надъ заурадной толпой. Наконецъ, являются „влѣзшіе черезъ верхъ,“ т. е. люди, которые, правда цѣною труда, и энергичаго изученія, но эгоистичнаго и направленнаго на удовлетвореніе личнаго тщеславія, достигаютъ высокаго сана и авторитета, становясь „господами своихъ стадъ, а не примѣромъ для нихъ“.

22. Теперь пойдете дальше:

„Въ стремленіяхъ они иной не знаютъ цѣли,
Какъ стричь своихъ овецъ; и жезлъ ихъ тѣхъ отвергъ,
Кто всѣхъ ползвѣ, достойнѣй и усерднѣй.
Слѣпые рты!“

Я снова останавливаюсь, встрѣчаясь съ странной фразой, которую можно было бы принять за недоконченную метафору, прерванную по неряшливости и недостаточной вдумчивости.

Но это невѣрно: смѣлость и сила фразы рассчитаны на то, чтобы мы внимательнѣе вникли въ ея значеніе и запомнили ее. Эти два краткихъ слова точно выражаютъ противоположность свойствъ, составляющихъ истинное достоинство двухъ великихъ церковныхъ должностей—епископской и пасторской. Епископъ означаетъ чело-вѣка видящаго, пасторъ—человѣка пасущаго или кормящаго.

Поэтому, епископу наименѣе свойственна слѣпота, а пастору—жадность, т.-е. свойство рта, а не кормящей руки.

Соединивъ эти два наиболѣе противоположныя свойства, мы получимъ „слѣпые рты.“ Не мѣшаетъ прослѣдить эту мысль нѣсколько подробнѣе. Почти все зло церкви возникаетъ отъ епископовъ, жаждущихъ власти больше, чѣмъ свѣта. Они хотятъ играть роль авторитетовъ, а не ясновидцевъ, тогда какъ ихъ дѣйствительная обязанность состоитъ не въ томъ, чтобы управлять, хотя бы съ цѣлью мощнаго увѣщеванія и порицанія. Управление есть дѣло царей, обязанность же епископовъ состоитъ въ наблюденіи за стадомъ, въ знаніи всѣхъ пасомыхъ и въ готовности во всякое время дать полный отчетъ о каждомъ изъ членовъ ихъ стада. Ясно, что они не могутъ дать отчета о каждой душѣ, если не знаютъ своихъ прихожанъ даже въ лицо. Поэтому, первая, обязанность епископа состоитъ въ томъ, чтобы стать, по крайней мѣрѣ, въ такое положеніе, при которомъ онъ можетъ знать исторію каждой живой души въ его епархіи и также имѣть ясное понятіе о томъ, чтò переживаетъ она въ данную минуту. Вонъ тамъ, въ отдаленной улицѣ, Вильямъ и Нанси выбили другъ-другу зубы. Знаетъ-ли епископъ объ этомъ? Обращены-ли его взоры на нихъ? Внимательно-ли онъ наблюдалъ за ними? Можетъ-ли онъ обстоятельно объяснить намъ, почему Вильямъ привыкъ бить Нанси по лицу? Если онъ не можетъ, то онъ не епископъ, хотя бы у него была митра вышиной съ Салисбурійскую колокольню; онъ хочетъ быть у руля, а не у мачты и потому не наблюдаетъ за ходомъ вещей. Нѣтъ, возражаете вы, не его дѣло наблюдать за Вильямомъ въ этой отдаленной улицѣ. Что? Вы находите, что онъ долженъ наблюдать только за жирными овцами съ обильнымъ руномъ, тогда какъ (вернемся къ Мильтону) остальные „вдалекѣ разбѣяны однѣ безъ крова и безъ пищи, и волки хищные, бродящіе во тьмѣ, ихъ безнаказанно и дерзко похищаютъ“?

Нашъ взглядъ на роль епископа иной, скажете вы. Очень можетъ быть; но это взглядъ св. Павла и Мильтона. Или они правы, или мы, но, во всякомъ случаѣ, мы не должны говорить, что читаемъ ихъ, если придаемъ наше значеніе ихъ словамъ.

23. Я иду дальше:

„Вѣтромъ вздутые, той пѣсни они не знаютъ.“

Обычное возраженіе состоитъ въ томъ, что, не заботясь о тѣлесныхъ нуждахъ бѣдняковъ, они доставляютъ имъ духовную пищу.

Но Мильтонъ говоритъ: „у нихъ нѣтъ духовной пищи; они просто вздуты вѣтромъ“.

Прежде всего вамъ можетъ показаться, что это грубая метафора, и довольно туманная. Но нѣтъ, она вполне литературна и точна.

Возьмите ваши латинскіе и греческіе словари и отыщите значеніе слова „духъ“. Это только сокращеніе слова „дыханіе“ и выражаетъ дуновеніе вѣтра, воздуха. Въ томъ-же смыслѣ употреблено оно и въ Евангеліи въ словахъ: „духъ дышетъ, гдѣ хочетъ“ и „рожденное отъ Духа, есть духъ“, т.-е. отъ дыханія Божія, дарующаго жизнь душѣ и тѣлу. Истинное понятіе объ этомъ даютъ слова „вдохновеніе“ и „вздохъ“, напр., въ фразѣ: испустилъ послѣдній вздохъ. Но есть два рода дыханія для насыщенія паствы: дыханіе божеское и человѣческое. Дыханіе божеское даруетъ здоровье, жизнь и миръ, какъ дыханіе неба—влагу облакамъ на холмахъ; дыханіе же человѣческое есть немощь и отравя, подобно туману болотъ. Оно внутренне растлѣваетъ и вздуваетъ, какъ вздуваютъ мертвое тѣло продукты его разложенія.

Это буквально справедливо относительно всѣхъ ложныхъ религіозныхъ ученій; вздутость или напыщенность является самымъ явнымъ и роковымъ признакомъ этого зла. Всѣ обращенныя дѣти, поучающія своихъ отцовъ, обращенные мошенники, поучающіе честныхъ людей, обращенные невѣжды, прожившіе полжизни тупоумными кретинами, внезапно пробудившіеся, узнавъ, что есть Богъ, и мнящіе себя Его избранниками и посланниками; всѣ эти сектаторы всевозможныхъ большихъ и малыхъ сектъ, католики и протестанты, англикане и диссиденты, поскольку они считаютъ себя только въ истинѣ, а всѣхъ остальныхъ во лжи, а въ особенности

тѣ люди въ каждой сектѣ, которые считаютъ, что спасаетъ вѣрная мысль, а не честное дѣло, слова, а не поступки, желанія, а не усилія, — вотъ истинныя чада тумана, облака, не несущія дождя, трупы, вздутые отъ гнилостныхъ разложеній, обтянутые кожей, но безъ крови и мяса, пустыя испорченныя волянки, „вѣтромъ вздутыя“.

24. Вернемся въ заключеніе къ словамъ Мильтона о ключахъ, такъ какъ теперь они будутъ намъ понятны. Замѣьте различіе между Мильтономъ и Данте; въ этомъ отношеніи у послѣдняго мысль менѣе сильна; онъ предполагаетъ, что оба ключа отъ вратъ неба: одинъ изъ золота, другой изъ серебра, — даны св. Петромъ ангелу, охраняющему врата; не легко опредѣлить, какое значеніе у него имѣетъ матеріалъ какъ трехъ ступеней, ведущихъ къ вратамъ, такъ и двухъ ключей. Но у Мильтона, — одинъ изъ золота, это ключъ отъ неба; другой изъ желѣза, — ключъ отъ темницы, въ которой заключены будутъ ложные учителя, взявшіе ключи знанія и не приступающіе къ нему. Мы видѣли, что обязанности епископа и пастыря состоятъ въ томъ, чтобы видѣть и питать, и обо всѣхъ исполняющихъ это сказано: „напоющій будетъ напоенъ“; но и противоположное тоже вѣрно: не напоющій поблекнетъ самъ, а не видящій будетъ прогнанъ съ глазъ долой — заключенъ въ темницу. И эта темница зялетъ передъ нимъ уже здѣсь: связанный на небесахъ, долженъ предварительно связанъ быть здѣсь, на землѣ. Велѣніе, — „взять негоднаго раба и бросить его во тьму кромѣшную“ — относится также и къ наставникамъ за каждую не оказанную ими помощь, за каждую утаенную ими истину, за каждую поддерживаемую ими ложь, такъ что они тѣмъ сильнѣе будутъ скованы, чѣмъ больше опутываютъ оковами, и ввергнуты тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе ложно было ихъ руководство, пока, наконецъ, засовы желѣзной рѣшетки не замкнутся за ними, такъ какъ

„Золотой назначенъ отмыкать, а зашпирать — желѣзный“.

25. Я надѣюсь, что мы кое-что извлекли изъ этихъ строкъ и могли бы найти въ нихъ еще больше, но, разсмотрѣвъ значеніе каждаго слова, мы сдѣлали достаточно, чтобы представить образецъ того, что по справедливости можетъ быть названо настоящимъ чтеніемъ; для этого, какъ видите, нужно прослѣдить значеніе

каждаго ударенія, каждаяго выраженія, всегда ставитъ себя на мѣсто автора, забывая свое „я“ и стараясь проникнуться личностью автора, такъ чтобы вы могли съ увѣренностью сказать: „это думаетъ Мильтонъ, а не я, ложно читая Мильтона“.

Относясь такъ, вы постепенно привыкнете придавать меньше значенія вашему собственному „такъ я думаю“. Вы начнете понимать, что ваше „такъ я думаю“ не имѣетъ особеннаго значенія, что ваши мысли по поводу извѣстныхъ вопросовъ легко могутъ быть не самыми ясными и не самыми мудрыми и даже, если вы не особенно выдающаяся личность, то смѣло можно сказать, что у васъ совсѣмъ нѣтъ „своихъ мыслей“ и нѣтъ даже для этого матеріала по всѣмъ серьезнымъ вопросамъ*), нѣтъ права „думать“, а есть только обязанность стараться возможно больше извлекать изъ фактовъ. Даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, вы всю свою жизнь (если только, повторяю, вы не особенно выдающаяся личность) не будете имѣть законнаго права на мнѣніе относительно какого бы то ни было дѣла, кромѣ того, которое въ данную минуту непосредственно находится у васъ подъ рукою. Что по необходимости должно быть сдѣлано,—то вы всегда безспорно должны знать, какъ сдѣлать. Нужно-ли вамъ держать домъ въ порядкѣ, продать товаръ, вспахать поле, вычистить колодезь,—по всѣмъ этимъ вопросамъ не можетъ быть двухъ мнѣній, даже гибельно для всѣхъ, если у васъ только „мнѣнія“, а не знанія. И даже внѣ сферы вашихъ личныхъ дѣлъ есть нѣсколько вопросовъ, относительно которыхъ вы обязаны имѣть ясно опредѣленное мнѣніе. Что мошенничество и ложь предосудительны и должны быть моментально пресѣкаемы, какъ только вы ихъ замѣтите; что алчность и любовь къ ссорамъ—опасныя наклонности даже въ дѣтяхъ и гибельны въ людяхъ и націяхъ; наконецъ, что нашъ небесный и земной Отецъ любитъ дѣятельныхъ, скромныхъ и добрыхъ людей и ненавидитъ лѣнивыхъ, гордыхъ, жадныхъ и злыхъ; относительно всѣхъ этихъ общихъ вопросовъ вы должны имѣть одно вполне опредѣленное мнѣніе.

По остальнымъ же вопросамъ: о религіяхъ, правительствахъ, наукахъ, искусствахъ вы найдете, что вообще не можети ничего знать и ни

*) Современное „воспитаніе“ большей частью прививаетъ людямъ способность ложно мыслить по всѣмъ важнымъ для нихъ вопросамъ.

о чемъ судить; что самое лучшее для васъ, даже если вы хорошо образованная личность, — это молчать и стараться съ каждымъ днемъ быть умнѣе и нѣсколько больше понимать мысли другихъ людей. Пытаясь честно дѣлать это, вы найдете, что мысли даже мудрѣйшихъ людей большей частью являются не болѣе, какъ смѣлыми вопросами. Ясно показать всю трудность вопроса и выяснить причины нерѣшительнаго отвѣта на него, — вотъ все, что вообще они могутъ сдѣлать для васъ, и благо имъ и вамъ, если они дѣйствительно въ состояніи внести болѣшую гармонію въ наши мысли и осѣнить насъ небесными сомнѣніями. Писатель, отрывокъ изъ котораго я прочелъ вамъ, не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ и мудрѣйшихъ: онъ ясно сказалъ все, что было въ предѣлахъ его зрѣнія, и потому легко понять значеніе его словъ; но у болѣе великихъ людей это довольно трудно; они сами даже не вполне охватываютъ весь свой кругозоръ, — такъ онъ широкъ. Предположимъ, что я попросилъ бы васъ, напр., отыскать мнѣніе не Мильтона, а Шекспира или Данте по разсматриваемому вопросу объ авторитетѣ церкви. Имѣетъ ли кто-нибудь изъ васъ въ данную минуту малѣйшее понятіе о томъ, что думалъ каждый изъ нихъ по этому вопросу? Сопоставляли-ли вы когда-нибудь сцену съ епископами въ Ричардѣ III съ характеромъ Кранмера? или описание св. Франциска и св. Доминика съ характеромъ того, кто заставилъ Виргилія съ удивленіемъ взглянуть на себя — „disteso, tanto vilmente, nell'eterno esilio“ или кто стоялъ рядомъ съ Данте — „come'e fratè che confessa lo perfido assassin“? Шекспиръ и Алигieri, я предполагаю, лучше знали людей, чѣмъ большинство изъ насъ. Они оба находились въ самомъ разгарѣ борьбы свѣтской и духовной власти и, надѣюсь, имѣли свое опредѣленное мнѣніе. Но гдѣ оно? Выставьте его на судъ. Попробуйте формулировать отдѣльные члены символа вѣрованія Шекспира или Данте и послать ихъ на разсмотрѣніе духовныхъ судовъ.

26. Повторяю, что въ теченіе многихъ и многихъ дней вы не въ состояніи будете постичь истиннаго намѣренія и ученія этихъ великихъ людей; но добросовѣстное изученіе ихъ поможетъ вамъ замѣтить, что то, что вы считали за ваши самостоятельныя сужденія, было просто случайными предразсудками и сухими наносными плевелами бесплодной мысли; мало того, вы увидите, что

умы большинства людей въ дѣйствительности почти не лучше дикой вересковой пустыни, заброшенной, залужавшей, отчасти голдой, отчасти заросшей вреднымъ кустарникомъ и ядовитыми побѣгами злыхъ сужденій; что первая ваша обязанность по отношенію къ нимъ и къ себѣ состоитъ въ томъ, чтобы энергично и безжалостно подложить огонь, сжечь и обратить всю поросль въ кучи благотворной золы, чтобы затѣмъ вспахать и засѣять ниву. Весь истинно - литературный трудъ, предстоящій вамъ въ жизни, долженъ начаться съ покорнаго исполненія велѣнія, гласящаго: „распахите залежь, а не сѣйте среди бурьяна“.

27. *) II. Честно прислушавшись къ великимъ учителямъ, чтобы проникнуться ихъ мыслями, вы должны теперь сдѣлать дальнѣйшій шагъ и проникнуть въ ихъ сердца. Вы обращались къ нимъ за болѣе ясными воззрѣніями, теперь же вы должны побыть съ ними, чтобы оцѣнить, по крайней мѣрѣ, ихъ истинную и мощную страсть. Страсть или чувствительность! Я не пугаюсь этихъ словъ, а еще меньше ихъ значенія. За послѣднее время не мало раздавалось криковъ противъ чувствительности, но я смѣло утверждаю, что мы страдаемъ не отъ избытка, а отъ недостатка ея. Благородное различіе между людьми и животными и состоитъ именно въ томъ, что одни чувствуютъ сильнѣе другихъ. Еслибы мы были губками, то, можетъ быть, чувствительность не была бы для насъ пригодна; еслибы мы были земляными червями и каждую минуту намъ грозила бы опасность быть разрѣзанными заступомъ, то слишкомъ большая чувствительность, вѣроятно, была бы для насъ вредна. Но мы люди, и она вполне для насъ пригодна; мало того, мы именно постольку и люди, поскольку мы чувствительны, и все наше достоинство вполне соотвѣтствуетъ нашей отзывчивости.

28. Выше я сказалъ, что великое и безупречное общество мертвыхъ не допускаетъ пустыхъ и „грубыхъ“ личностей. Но что я разумѣлъ подъ „грубыми“ личностями? Что разумѣете вы сами подъ этимъ словомъ? Это очень благодарная тема для пространныхъ размышленій; но сущность грубости или пошлости заключается въ недостаткѣ чувствительности. Простая и невинная грубость состоитъ просто въ невоспитанной и неразвитой тупости тѣла и ума. Но врожденная грубость отличается страшной безчувственностью и она, доведенная

*) Сравни съ § 13.

до крайности, способна на любое животное проявление и преступление безъ страха и удовольствія, безъ ужаса и жалости. Безучастная рука, неотзывчивое сердце, болѣзненно извращенныя привычки, очерствѣвшая совѣсть создаютъ грубыхъ людей; они грубы именно поскольکو неспособны къ симпатіи, къ быстрому воспріятію, къ тому, что можно назвать „чуткостью“ или воспримчивостью, и чѣмъ въ растительномъ мірѣ особенно отличается мимоза, а въ животномъ—чистая, непорочная дѣвушка. Тонкость или полнота чувствительности не зависятъ отъ разсудка, такъ какъ онѣ руководятъ разсудкомъ и освящаютъ его. Разсудокъ можетъ опредѣлить истину, но только одна эта, дарованная Богомъ, чувствительность отличаетъ все доброе, созданное Творцомъ.

29. Мы обращаемся къ великому содѣйствію умершихъ не только для того, чтобы познать истину, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы вмѣстѣ съ ними прочувствовать все справедливое. Но, чтобы чувствовать вмѣстѣ съ ними, мы должны уподобиться имъ, а никто изъ насъ не можетъ достигнуть этого безъ усилій. Какъ истинное знаніе есть знаніе дисциплинированное и провѣренное, а не первая пришедшая въ голову мысль, такъ и истинная страсть должна быть дисциплинированной и испытанной, а не первой явившейся. Первая явившаяся страсть всегда тщеславна, ложна и измѣнчива, и если вы поддадитесь ей, то она далеко заведетъ васъ по пути тщетныхъ стремленій и пустой восторженности, пока, наконецъ, у васъ не исчезнетъ истинная цѣль, истинная страсть. Я не хочу этимъ сказать, что страсти человѣческія сами по себѣ ложны; нѣтъ, онѣ ложны только тогда, когда не дисциплинированы. Благородная страсть сильна и справедлива, а ложная—слаба и направлена на жалкія низкія цѣли.

Удивленіе ребенка передъ фокусникомъ, подбрасывающимъ золотыя шары, мы считаемъ жалкимъ и, если хотите, даже низкимъ. Но развѣ удивленіе само по себѣ неблагородно, или развѣ съ меньшимъ чувствомъ удивленія взрослый человѣкъ глядитъ ночью на золотыя шары, разбрасываемые по небу рукой, создавшей ихъ? Низко любопытство ребенка, открывающаго запрещенную дверь, или прислуги, подсматривающей за тѣмъ, что дѣлаютъ господа, но благородно любопытство человѣка, который, презирая опасности, изслѣдуетъ источники великой рѣки по ту сторону пустыни или

положеніе великаго материка по ту сторону моря, и еще болѣе благородно любопытство, побуждающее челоуѣка задавать себѣ вопросъ объ источникѣ Рѣки Жизни и о Материкѣ Небесъ, узрѣть которые желали бы даже ангелы. Также точно неблагородно то волненіе, съ какимъ вы слѣдите за ходомъ и развязкой глупой сказки; но неужели вы думаете, что не возвышенно волненіе, съ какимъ вы слѣдите или должны слѣдить за судьбой и страданіями націи, находящейся въ агоніи? Увы, мы должны теперь сожалѣть о мелочности, низости и эгоистичности нашей чувствительности, которая уходитъ на букеты и рѣчи, пиры и кутежи, на бои и театры маріонетокъ, въ то время, какъ мы безъ содроганія и слезъ можемъ смотрѣть и видѣть, какъ избиваются цѣлыя благородныя націи, нисколько не стараясь помочь имъ.

30. Я сказалъ, что наша чувствительность мелочна и эгоистична, но было бы вполне достаточно, еслибы я назвалъ ее несправедливой и нечестной. Благородная личность больше всего отличается отъ пошлой, а благородная нація (такія націи тоже существовали) отъ толпы тѣмъ, что чувства ихъ неизмѣнны и справедливы, являясь результатомъ должнаго наблюденія и безпристрастной мысли.

Толпу вы можете натолкнуть на все; ея чувства въ общемъ могутъ быть и бывають обыкновенно великодушны и справедливы, но у нея нѣтъ для нихъ прочной основы, нѣтъ того, что сдерживало бы ихъ; вы можете подзадорить ее на все, что вамъ угодно; она большей частью заражается чужими мнѣніями и схватываетъ ихъ, какъ насморкъ; нѣтъ тѣхъ пустяковъ, изъ-за которыхъ она не была бы готова дико неистовствовать, и нѣтъ такой великой вещи, о которой она не забыла бы черезъ часъ, когда уляжется увлеченіе. Но страсти благородной личности или націи справедливы, соразмѣрны и постоянны. Великая нація не употребляетъ, на примѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всей пронцательности своего національнаго ума на взвѣшиваніе уликъ противъ преступника, совершившаго убійство, равнодушно въ то же время смотря на то, какъ ея собственные сыны въ теченіе двухъ лѣтъ ежедневно избиваютъ другъ друга тысячами и десятками тысячъ, ни мало не заботясь о защитѣ правой стороны и исключительно интересуясь только тѣмъ, какое вліяніе это можетъ имѣть на цѣны хлопка. Также точно великая нація не

сажаетъ своихъ бѣдныхъ маленькихъ ребятишекъ въ тюрьму за кражу шести грецкихъ орѣховъ въ то время, какъ ея банкроты обворовываютъ безнаказанно на сотни тысячъ, а банкиры, всѣ богатства которыхъ составляютъ изъ сбереженій бѣдняковъ, прекращаютъ „съ ея дозволенія“ платежи „по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ“; великая нація не позволяетъ скупать обширные участки земли людемъ, нажившимъ свое состояніе тѣмъ, что на вооруженныхъ судахъ отправлялись въ Китайское море, заставлятъ пушками покупать у нихъ опій, и не сводитъ свои отношенія съ иностранными державами на требованія отъ нихъ „кошелька и жизни“, замѣнивъ этимъ обычную угрозу разбойниковъ: „кошелекъ, или жизнь“. Точно также великая нація не позволитъ, чтобы въ угоду ландлордамъ за шесть пенсовъ поденной платы губилась жизнь ея невинныхъ бѣдняковъ воздухомъ, пропитаннымъ копотью и чумными испареніями, и не будетъ обсуждать съ крокодиловыми слезами на глазахъ и съ дьявольскимъ смиреніемъ въ сердцѣ вопроса о томъ, не должны ли она набожно спасать и оберегать, какъ нянька, существованіе этихъ ландлордовъ.

Великая нація, рѣшивъ, что повѣшеніе вообще вполне подходящее наказаніе для убійцъ, можетъ, однако, изъ чувства милосердія различать степени виновности убійцъ и не станетъ визжать, какъ стая скрюченныхъ морозомъ молодыхъ волчатъ, напавъ на слѣдъ несчастнаго раздавленнаго мальчика или сѣдовласаго безумнаго Отелло, доведеннаго до преступленія; не станетъ, повторяю, визжать въ ту самую минуту, когда ея первый министръ рассыпается въ вѣжливыхъ бесѣдахъ съ человѣкомъ, закалывающимъ штыками молодыхъ дѣвушекъ въ присутствіи ихъ отцовъ и хладнокровно избивающимъ молодыхъ и благородныхъ юношей больше и быстрѣе, чѣмъ любой мясникъ весеннихъ барановъ. Наконецъ, великая нація не издѣвается надъ Небомъ и небесными силами, притворяясь, будто вѣруеть въ откровеніе, утверждающее, что любовь къ деньгамъ есть корень зла, объявляя, въ то же время, что эта любовь есть и должна быть господствующимъ стимуломъ всѣхъ ея главныхъ національныхъ дѣлъ и мѣръ.

31. Друзья мои, я не знаю, къ чему намъ даже говорить о чтеніи. Мы нуждаемся въ какой-нибудь болѣе суровой дисципли-

нарной мѣрѣ, чѣмъ чтеніе, и, во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что мы не въ состояніи читать. Никакое чтеніе невозможно для людей, умъ которыхъ находится въ такомъ положеніи. Глубокая мысль и любовь великаго писателя непонятны намъ. Англійская публика просто разучилась понимать строго продуманныя сочиненія, и такое оскудѣніе мысли явилось у нея подѣ влияніемъ жажды наживы. Къ счастью, нашъ недугъ ограничивается пока этой неспособностью мыслить и не развратилъ вполнѣ нашу внутреннюю природу; мы еще искренно бьемъ въ набатъ, когда какое-нибудь бѣдствіе постигаетъ нашу родину, и способность къ добрымъ чувствамъ все еще сохранилась въ глубинѣ нашего сердца, хотя мысль о томъ, что все должно „оплачиваться“, до того извратила всѣ наши лучшія намѣренія, что, даже разыгрывая роль добраго самаритянина, мы никогда не дадимъ несчастному пятака, не прибавивъ: „ты долженъ отдать вдвое, когда я вернусь“.

Мы проявляемъ эту алчность въ нашей работѣ, въ нашихъ войнахъ и даже въ несправедливомъ пристрастіи къ домашнимъ интересамъ, негодуя на малѣйшее частное зло и крайне вѣжливо относясь къ великому общественному. Мы все еще трудолюбивы до смерти, хотя къ терпѣнію труженика присоединяемъ ярость игрока; мы еще храбры до готовности пожертвовать своей жизнью, хотя не въ состояніи опредѣлить, ради чего стобить и ради чего преступно бороться; мы еще любимъ плоть отъ плоти нашей, но какъ морскія чудовища и горные орлы. Однако, пока нація сама распоряжается своей жизнью и готова жертвовать ею за свою честь (правда, безумную), за свои симпатіи (хотя и эгоистичныя) и за свои интересы (низко матеріальные), надежда еще не потеряна.

Но только надежда, потому что бессознательная, безпечная добродѣтель не можетъ служить твердой опорой. Никакая нація не можетъ существовать, ставъ толпой, хотя бы и очень великодушной. Она должна научиться управлять своими страстями и направлять ихъ, въ противномъ же случаѣ, самыя страсти современемъ проучать ее, но уже ударами скорпіона. Меньше же всего можетъ существовать нація, превратившаяся въ толпу, жадную до наживы; она не въ состояніи безнаказанно продолжать своего существованія, презирая науку, искусство, природу, состраданіе и сосредоточивая всѣ силы своей души на грошахъ.

Вы думаете, что мои слова жестоки или несправедливы? Но будьте еще нѣсколько времени внимательны, и я, шагъ за шагомъ, докажу вамъ всю ихъ справедливость.

32. I. Я утверждаю, что мы презираемъ литературу. Въ чемъ мы, какъ нація, выражаемъ нашу заботу о книгахъ? Сколько, думаете вы, тратимъ мы на наши библіотеки, общественныя и частныя, сравнительно съ тѣмъ, что мы расходуетъ на нашихъ лошадей? Человѣка, много расходующаго на книги, мы называемъ библіоманомъ, но любителей лошадей мы не называемъ маниаками, хотя ежедневно люди разоряются на лошадей и никогда не слышно о людяхъ, разорившихся на книги. Или, какую часть стоимости содержаемаго нашихъ винныхъ погребовъ представляетъ цѣнность всѣхъ книгъ на полкахъ нашихъ частныхъ и общественныхъ библіотекъ? Въ какомъ отношеніи находятся наши расходы на книги сравнительно съ нашими тратами на роскошную ѣду? Мы толкуемъ объ умственной пищѣ, какъ и о тѣлесной; хорошая книга безспорно заключаетъ въ себѣ неистощимый запасъ такой пищи; это запасъ на всю жизнь и притомъ для питанія лучшей части нашего „я“, а между тѣмъ немного людей охотно рѣшатся пожертвовать за хорошую книгу порціей жирной рыбы. Правда, были люди, терпѣвшіе и голодь, и холодъ, чтобы имѣть возможность купить книгу, но, я думаю, библіотеки ихъ въ итогѣ стоили дешевле того, во что обходится обѣдъ громадному количеству людей. Немногимъ изъ насъ приходится подвергаться такимъ испытаніямъ, и это очень жалко, потому что цѣнная вещь тѣмъ болѣе дорога намъ, чѣмъ больше стоила намъ труда и экономіи; и еслибы публичныя библіотеки стоили половины того, во что обходятся общественные торжественные обѣды, или книги стоили десятую часть того, что стоятъ браслеты, то можетъ быть, глупымъ мужчинамъ и женщинамъ пришла бы когда-нибудь въ голову мысль, что чтеніе не хуже жеванія и блеска, тогда какъ дешевизна литературы заставляетъ даже умныхъ людей забывать, что книга, стоящая прочтенія, стоитъ того, чтобы ее купить. Книга, не стоящая многого, не стоитъ ничего; полезна только та книга, которую мы читаемъ и перечитываемъ, любимъ все больше и больше, отмѣчая въ ней все такъ, что можемъ всегда отыскать любой отрывокъ, подобно тому, какъ солдатъ можетъ всегда въ

арсеналѣ мгновенно выбрать нужное ему оружіе, или хозяйка въ кладовой—требуемая ей вещи. Мучной хлѣбъ хорошъ, но въ хорошей книгѣ есть тоже хлѣбъ, сладкій, какъ медъ, если мы только сумѣемъ отыскать его, и семья должна быть дѣйствительно ужасно бѣдна, если не можетъ разъ въ жизни позволить себѣ заплатить за такой хлѣбъ ту сумму, которую она выплачиваетъ своему булочнику.

Мы называемъ себя богатой націей, но мы достаточно скверны и безумны, чтобы марать пальцами другъ у друга книги, даже не взятыя изъ общедоступныхъ библіотекъ.

33. П. Я сказалъ, что мы презираемъ науку. Какъ, воскликнете вы, развѣ мы не являемся передовой націей во всѣхъ открытіяхъ *) и предметомъ справедливой или несправедливой зависти всего міра? Да, но развѣ это заслуга всей націи? Нѣтъ, открытія эти дѣлаются вопреки націи, на деньги частныхъ лицъ и благодаря ихъ усилію. Мы охотно, правда, пользуемся выгодами, доставляемыми наукой; мы жадно кидаемся на все, что въ области ея напоминаетъ кость съ мясомъ, но если человѣкъ науки обращается къ намъ за костью или коркой хлѣба, то вопросъ принимаетъ другой оборотъ. Каковы наши общественныя заслуги по отношенію къ наукѣ? Мы обязаны точно знать время для безопасности нашихъ кораблей и поэтому содержимъ обсерваторіи и позволяемъ ежегодно тревожить себя въ лицѣ парламента, дѣлая по необходимости и крайне неряшливо кое-что для Британскаго музея, наивно предполагая, что это такое мѣсто, гдѣ для забавы дѣтей хранятся чучела птицъ. Если кто-нибудь купитъ себѣ телескопъ и изучитъ новое созвѣздіе, мы похващаемся этимъ открытіемъ, какъ бы своимъ собственнымъ; если одинъ изъ десяти тысячъ охотящихся дворянъ внезапно приходитъ къ заключенію, что земля пригодна не для однихъ лисицъ и, роясь въ ней, сообщаетъ намъ гдѣ въ ея нѣдрахъ находится золото или уголь, то мы понимаемъ, что можно изъ этого извлечь пользу и производимъ его въ кавалеры; но если, вмѣсто этого, онъ найдетъ способъ полезно примѣ-

*) Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, факты подтвердили ихъ справедливость. Мы предоставили континентальнымъ націямъ продолжать изученіе арктическихъ странъ, признавъ себя слишкомъ бѣдными, чтобы снаряжать для этого корабли.

нить свои силы на пользу общества, то развѣ мы отнесемъ къ нему съ тѣмъ же довѣріемъ? (Если-же вы признаете невозможнымъ, чтобы такое открытіе пришло въ голову кому-либо изъ вашихъ собратьевъ — дворянъ, то это не особенно лестно и для васъ.

Но если вы сомнѣваетесь въ справедливости моихъ общихъ заключеній, то вотъ фактъ, надъ которымъ стоитъ подумать, какъ надъ прекраснымъ образцомъ нашей любви къ наукѣ. Два года тому назадъ въ Баваріи продавалась коллекція Золенгофенскихъ ископаемыхъ, наилучшая изъ всѣхъ существующихъ и заключавшая въ себѣ много экземпляровъ, рѣдкихъ по совершенству, а одинъ экземпляръ являвшійся безусловно единственнымъ представителемъ цѣлаго семейства невѣдомыхъ животныхъ существъ. Эта коллекція, которую легко можно было бы продать частнымъ лицамъ за десять и даже за двѣнадцать тысячъ рублей, предлагалась англійской націи за семь тысячъ рублей; но мы не хотѣли дать и этихъ семи тысячъ, и вся эта коллекція была бы въ настоящее время въ Мюнхенскомъ музеѣ, еслибы профессоръ Овенъ **) не употребилъ всѣхъ своихъ усилій и не потратилъ много времени на то, чтобы убѣдить англійскую публику въ лицѣ ея представителей, которые и разрѣшили ему, наконецъ, выдать одновременно четыре тысячи; самъ профессоръ Овенъ поручился въ остальныхъ трехъ, которыя общество, конечно, когда-нибудь выплатитъ ему, хотя и довольно неохотно, ни мало не интересуясь самой коллекціей и всегда недовольное, когда у него испрашиваютъ кредитъ. Но разсмотрите, пожалуйста, значеніе этого факта. Ваши ежегодные расходы на общественныя нужды (треть которыхъ идетъ на военныя приспособленія) равняются, по крайней мѣрѣ, 500 милліонамъ руб. Семь тысячъ относятся къ 500 мил., какъ семь копѣекъ къ 5 тыс. руб. Предположите теперь, что господинъ, доходы котораго неизвѣстны, но о богатствѣ котораго можно судить по тому, что онъ тратитъ ежегодно по пяти тысячъ на огражденіе стѣнъ своего парка и на своихъ сторожей, увѣряетъ, что онъ большой поклонникъ

**) Я привожу этотъ фактъ безъ вѣдома профессора Овена, который, конечно, не далъ бы мнѣ своего согласія, еслибы я обратился къ нему; но я считаю крайне важнымъ ознакомить съ нимъ публику, почему и дѣлаю то, что считаю справедливымъ, хотя и не деликатнымъ

науки; и вотъ, одинъ изъ его слугъ является къ нему въ одинъ прекрасный день, чтобы сообщить о томъ, что единственная коллекція ископаемыхъ, дающая ключъ къ выясненію новой эры творенія, можетъ быть куплена за семь копѣекъ; господинъ, выдающій себя за любителя науки и расходующій ежегодно по пяти тысячъ рублей на свой паркъ, заставивъ своего слугу прождать нѣсколько мѣсяцевъ, отвѣчаетъ ему, наконецъ: „Хорошо, я вамъ дамъ 4 коп. на нихъ, а въ остальныхъ трехъ вы поручитесь сами до будущаго года“.

34. III. Я говорю, что вы презираете искусство. „Какъ, возражаете вы, развѣ у насъ нѣтъ для произведеній искусствъ выставокъ, длиной въ нѣсколько миль? Развѣ мы не платимъ десятки тысячъ за картину? Развѣ у насъ не больше, чѣмъ въ любой странѣ, имѣется различныхъ школъ и учрежденій, посвященныхъ искусству? Совершенно вѣрно, но все это ради денежныхъ выгодъ. Вы охотно торговали бы картинами, какъ углемъ, фаянсомъ или желѣзомъ, вы охотно отняли бы у всѣхъ націй хлѣбъ изо рта*), но, не имѣя возможности дѣлать это, вы стоите въ свободныхъ проходахъ, обращаясь ко всѣмъ прохожимъ со словами: „Что вамъ нужно?“ Вы ничего не знаете о своихъ способностяхъ или обстоятельствахъ; вы воображаете, что среди вашихъ унылыхъ безцвѣтныхъ, плоскихъ, глинистыхъ полей вы можете имѣть такое же живое фантастическое искусство, какъ и французы среди ихъ цвѣтущихъ виноградниковъ, или итальянцы на ихъ вулканическихъ утесахъ,— вы думаете, что искусству можно обучиться такъ же, какъ бухгалтеріи, и что, когда вы его изучите, ваша бухгалтерія станетъ процвѣтать.

Вы заботитесь о картинахъ отнюдь не больше, чѣмъ объ объявленіяхъ, расклеиваемыхъ на вашихъ мертвыхъ стѣнахъ. Даже меньше, потому что на вашихъ стѣнахъ есть всегда мѣсто для объявленій, но нѣтъ для картинъ. Вы не знаете, какія у васъ имѣются картины, не знаете, настоящія-ли онѣ, или подложныя, заботятся-ли о нихъ или нѣтъ? Въ иностранныхъ государствахъ вы равнодушно смотрите, какъ благороднѣйшія картины въ мірѣ

*) Таково наше понятіе о свободной торговлѣ. „Всю торговлю въ наши руки“. Теперь вы находите, что и другія націи могутъ отчасти конкурировать съ нами и начинаете отставать пошлины. Жалкіе люди!

уничтожаются отъ пренебреженія къ нимъ (въ Венеціи австрійскія пушки даже преднамѣренно направлены были на дворцы, въ которыхъ находились такія картины), и еслибы всѣ прелестнѣйшія произведенія искусства Европы были завтра же обращены въ мишени для австрійскихъ солдатъ, то это не смутило бы васъ такъ, какъ возможность лишиться доли добычи при вашихъ повседневныхъ охотахъ. Такова ваша любовь къ искусству.

35. IV. Вы презираете природу, т.-е. вы заглушили въ себѣ глубокое и святое чувство любви къ картинамъ природы. Французскіе революціонеры превращали соборы Франціи въ конюшни; вы же превращаете соборы земли въ ипподромы и находите удовольствіе въ томъ, чтобы мчаться въ вагонахъ вокругъ ихъ престоловъ и ѣсть на ихъ алтаряхъ *). Вы перекинули желѣзнодорожный мостъ черезъ Шафгаузенскіе водопады, прорыли туннели въ Люцернскихъ скалахъ у часовни Телля, разрушили Кларенскіе берега Женевского озера, и во всей Англійи нѣтъ мирной долины, которую вы не наполнили бы ревущими машинами, нѣтъ уголка, не закоптѣвшаго отъ вашихъ угольевъ, нѣтъ заграничнаго города, въ которомъ прекрасныя старыя улицы и счастливыя сады не носили бы слѣдовъ вашихъ посѣщеній и не были зачумлены новыми гостиницами и парфюмерными лавками; даже Альпы, которыя такъ чтили и любили ваши поэты, вы считаете за что-то вродѣ намыленныхъ шестовъ, встрѣчающихся на вашихъ гуляньяхъ, по которымъ вы влѣзаете и спускаетесь съ криками восторга. Мчась, вы стремитесь домой, раскраснѣвшись отъ высоколѣтія и болтая до конвульсивной икоты отъ самодовольства *). Миѣ кажется, что, при глубокомъ анализѣ ихъ внутренняго значенія, самыми печальными зрѣлищами, когда либо видѣнными мной въ жизни человѣчества, были слѣдующихъ два: первое изъ нихъ—это зрѣлище англійской черни въ долинѣ Шамуни, забавлявшейся стрѣльбой изъ заржавѣ-

---

*) Говоря это, я разумѣю, что прелестнѣйшіе уголки Швейцаріи, Италіи, Южной Германіи и т. д. должны бы служить для насъ истинными мѣстами благоговѣнія и поклоненія, а мы только заботимся о томъ, чтобы быстрѣе промчаться по нимъ и чтобы поѣсть и попить въ ихъ самыхъ священныхъ уголкахъ.

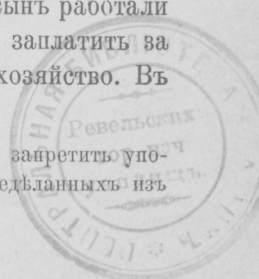
*) Я былъ крайне пораженъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ когда увидалъ, что весь берегъ рѣки въ Ричмондѣ, въ Юркширѣ, былъ черенъ отъ копоти, осаждавшейся изъ воздуха, пропитаннаго ею на разстояніи нѣсколькихъ миль

шихъ гаубиць, а второе — швейцарскихъ сборщиковъ винограда въ Цюрихѣ, выразившихъ свою христіанскую благодарность за ниспосланную имъ благодать дара вина тѣмъ, что они, собравшись толпами въ „башняхъ виноградарей“, стрѣляли изъ пистолетовъ съ утра до вечера. Очень печально, когда люди имѣютъ смутное понятіе о своихъ обязанностяхъ, но мнѣ кажется, что еще печальнѣе, когда у людей существуетъ такое понятіе о веселіи.

36. Наконецъ, вы презираете и состраданіе. Мнѣ не нужно доказывать это какими-нибудь отвлеченными доводами. Я просто возьму одну изъ тѣхъ газетныхъ вырѣзокъ, которыя я имѣю обыкновеніе дѣлать и складывать въ ящикахъ моего стола. Эта вырѣзка сдѣлана изъ „Daily Telegraph“ въ началѣ этого года (1867) (я по безопасности не замѣтилъ числа и мѣсяца, но то и другое легко возстановить, такъ какъ на обратной сторонѣ помѣщено увѣдомленіе о томъ, что вчера седьмое богослуженіе въ этомъ году совершала епископъ рипонскій въ церкви св. Павла). Въ вырѣзкѣ сообщается одинъ изъ фактовъ, встрѣчающихся теперь ежедневно и только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, разбиравшійся на судѣ. Я отпечатаю его красной краской. Будьте увѣрены, что такіе факты записаны кровью на страницахъ той книги, которую всѣмъ намъ, грамотнымъ и неграмотнымъ, придется когда-нибудь прочесть.

„Въ пятницу судья Ричардсъ въ тавернѣ Бѣлаго Коня, въ Кристѣ Чёрчѣ, Спиталфильдѣ, производилъ дознаніе по дѣлу о смерти Михаила Коллинза, умершаго 53 лѣтъ. Марія Коллинзъ, съ виду очень жалкая женщина, объяснила, что она жила съ покойнымъ и съ его сыномъ въ комнатѣ въ 2. Коббсъ-Кауртѣ Кристѣ Чёрчѣ. Покойный чинилъ сапоги. Она, свидѣтельница, ходила и покупала старые сапоги, покойный же ея мужъ и его сынъ чинили ихъ, а передѣланные и починенные ими свидѣтельница продавала въ лавкахъ, но выручала очень немного. Покойный и его сынъ работали день и ночь, чтобы добыть немного хлѣба и чаю, заплатить за комнату (2 шил. въ недѣлю) и малость поддержать хозяйство. Въ

*) Для благополучія всѣхъ классовъ слѣдуетъ безусловно запретить употребленіе какихъ-бы то ни было предметовъ одежды, передѣланныхъ изъ старья. Смори предисловіе.

пятницу ночью покойный всталъ со своей скамейки и началъ дрожать. Онъ бросилъ сапоги и сказалъ: „Видно, кому-нибудь другому придется ихъ докончить, когда я умру; я же больше не могу“. Комната была не топлена, и онъ сказалъ: „Мнѣ было бы лучше, еслибы я согрѣлся“. Поэтому свидѣтельница взяла двѣ пары починенныхъ сапогъ, чтобы продать ихъ въ лавкѣ; но сбыла ихъ всего за 14 пен., потому что торговцы больше не давали, говоря, что и имъ нужно нажиться. Свидѣтельница купила углей и малость чаю и хлѣба. Ея сынъ просидѣлъ всю ночь за починкой, чтобы добыть денегъ, но покойный умеръ въ субботу утромъ. Семья никогда не могла ѣсть до сыта. Судья: „Очень жаль, что вы не отправились въ рабочій домъ“. Свидѣтельница: „Намъ хотѣлось пользоваться удобствами нашего маленькаго хозяйства.“ Одинъ изъ присяжныхъ спросилъ, въ чемъ состояли эти удобства, такъ какъ въ углу комнаты, въ которой даже окна были разбиты, валялся всего только пучекъ соломы. Свидѣтельница начала плакать и сказала, что у нихъ было стеганное одѣяло и другія мелочи. Покойный ни за что не хотѣлъ поступить въ рабочій домъ.

Лѣтомъ, когда работы было много, они иногда зарабатывали до десяти шиллинговъ въ недѣлю и тогда откладывали на слѣдующую, которая обыкновенно была неудачна; зимой же они не зарабатывали и половины. За послѣдніе три года дѣла ихъ шли все хуже. Корнелій Коллинзъ показалъ, что онъ помогаль отцу съ 1847 года. Они оба такъ долго работали по ночамъ, что почти лишились зрѣнія. У свидѣтеля теперь глаза покрыты пленкой. Пять лѣтъ назадъ, покойный обратился къ приходу за помощью. Чиновникъ, завѣдующій раздачей помощи, далъ ему 4 фунта хлѣба и сказалъ, что если онъ придетъ еще разъ, то получить „камни“ *). Это такъ оскорбило покойнаго, что онъ послѣ этого не пожелалъ обращаться къ приходской помощи.

*) Это мѣстное названіе наказанія, заключающагося въ принудительной бесполезной работѣ, страннымъ образомъ совпадаетъ съ извѣстнымъ мѣстомъ въ Евангеліи, которое, вѣроятно, нѣкоторые изъ васъ помнятъ. Можетъ быть, нелишнее привести здѣсь вырѣзку изъ „Morning Post“, относящуюся почти къ тому же времени, а именно изъ № газеты отъ 10 марта 1865 года. „Салоны г-жи С., остроумно устроенной граціозный и элегантнѣйшій балъ, блистали присутствіемъ князей, герцоговъ, маркизовъ и графовъ, словомъ,—того же мужского общества, которое встрѣчается на вечерахъ у княгини Меттернихъ и у

Ихъ дѣла становились все хуже и хуже и, наконецъ, въ прошлую пятницу у нихъ не было даже и двухъ копѣекъ, чтобы купить свѣчку. Покойный легъ тогда на солому и сказалъ, что онъ не доживетъ до утра. Присяжный: „Вы сами умираете отъ голода и должны до лѣта поступить въ рабочій домъ“. Свидѣтель: „Если мы отправимся туда, то умремъ, потому что съ наступленіемъ лѣта свалимся словно съ неба. Никто не захочетъ насъ знать и мы не добудемъ себѣ даже комнаты. Я могъ бы работать теперь, и зрѣніе мое поправилось бы, будь у меня пища“. Д-ръ Валькеръ заявилъ, что покойный умеръ отъ обморока вслѣдствіе истощенія и недостатка пищи. У покойнаго не было, чѣмъ покрыться. За послѣдніе четыре мѣсяца онъ питался только хлѣбомъ. На всѣмъ тѣлѣ не было и слѣда жировой ткани. Онъ не страдалъ никакимъ органическимъ разстройствомъ и еслибы ему своевременно была оказана медицинская помощь, то пережилъ бы этотъ обморокъ. Судья замѣтилъ, что случай этотъ крайне прискорбный, и присяжные вынесли приговоръ, гласившій, что покойный умеръ отъ истощенія вслѣдствіе недостатка пищи и необходимыхъ средствъ къ жизни, а также отъ отсутствія медицинской помощи.

37. Вы недоумѣваете, почему свидѣтели не хотятъ поступить въ рабочій домъ? У бѣдняковъ существуетъ, повидимому, предубѣжденіе противъ рабочаго дома, не раздѣляемое богатыми, такъ какъ безспорно, что каждый человѣкъ, получающій пенсію или

г-жи Друзъ де-Люисъ. Тутъ можно было встрѣтить нѣсколькихъ англійскихъ пэровъ и членовъ парламентовъ, наслаждавшихся оживленнымъ и ослѣпительно блестящимъ обществомъ. Во второмъ этажѣ столы, приготовленные для ужина, уставлены были всевозможными рѣдкостями сезона. Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе объ утонченномъ вкусѣ парижскаго полусвѣта, я привожу меню ужина, сервированнаго для всѣхъ гостей (около 200) въ четыре часа утра. Шато д'икемъ, іоганисбергъ, лафить, токайское и шампанское самаго высшаго сорта лились до самаго утра. Послѣ ужина танцы возобновились съ еще большимъ воодушевленіемъ и завершились въ семь часовъ утра дьявольскимъ шеномъ и адскимъ канканомъ (таково утреннее богослуженіе: „и свѣжестью заблестали лужайки, лишь чуть раскрылись вѣки утра“).— Вотъ меню: консоме изъ дичи а ля Багратіонъ и разныя закуски, буше а ля Талейранъ, холодная дососина, соусъ равиготъ, филе изъ мяса Бельвию, тимбаль миланезъ, шофруа изъ дичи. Индѣйки, начиненныя трюфелями. Страсбургскіе пироги, бюисоны изъ раковъ, венеціанскіе салаты, бѣлое желе изъ фруктовъ, пирожныя Манцини, парижанъ и парижанокъ. Мороженое. Ананасы, десертъ.

пособіе отъ правительства, пользуется рабочимъ домоу въ обширныхъ размѣрахъ *), только рабочіе дома для богатыхъ не обязываютъ ихъ къ труду, а потому должны называться домами забавъ. Бѣдняки предпочитаютъ, повидимому, умирать независимо; очень можетъ быть, что еслибы мы устроили для нихъ нарядные и пріятные дома забавъ, выдавали имъ пенсіи на руки, или позволили имъ сперва позаняться расхищеніемъ общественныхъ денегъ, то они и примирились бы съ этими условіями. Но пока одно изъ двухъ: или убѣжища для бѣдняковъ такъ оскорбительны для нихъ, или они такъ мучительны, что бѣдняки охотнѣе умираютъ, чѣмъ пользуются ими, или же, наконецъ, возможно и третье предположеніе, что они, по своей грубости и необразованности, умираютъ, какъ звѣри, въ нѣмотѣ и дикости, не зная, что дѣлать и чего просить. Я говорю, что вы презираете состраданіе. Если бы это было невѣрно, то подобные факты были бы также невысказанными въ христіанской странѣ, какъ и безнаказанное убійство днемъ на улицахъ *).

*) Пожалуйста, обратите вниманіе на это обстоятельство и подумайте, почему старая бѣдная женщина стыдится получать отъ страны нѣсколько копѣекъ въ недѣлю, а никто не стыдится получать пенсіи въ нѣсколько тысячъ рублей въ годъ.

*) Я душевно радъ появленію такой газеты, какъ „Pall Male Gasette“, потому что пресса въ рукахъ людей высокообразованныхъ, независимыхъ по своему положенію и имѣющихъ честное намѣреніе, можетъ стать такой силой, какую мы до сихъ поръ тщетно жаждали. Поэтому ея издатели извиняютъ меня, надѣюсь, за то, что я, въ силу именно моего уваженія къ ихъ газетѣ, не оставлю незамѣченной одну статью въ 3-мъ номерѣ, на 5 стр., ошибочную отъ начала до конца, но такія ошибки свойственны только честному человѣку, принявшему основное положеніе и продолжающему развивать его, не взирая на всѣ послѣдствія. Въ заключеніе, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательное мѣсто:

„Хлѣбъ печали, воду скорби и ложе и покрывало скорби, вотъ все то, что законъ, по крайней мѣрѣ, долженъ обезпечить отбросу общества, просто какъ отбросу“. Я не говорю ничего объ этомъ выраженіи, характерномъ для джентльменскаго склада ума англичанъ 1865 года. Но замѣчу, что одной изъ миссій пророка Исаи было возвысить голосъ свой подобно трубѣ и сказать джентльменамъ его времени: „Вы поститесь для ссоръ и распрей и для того, чтобы дерзкой рукой бить другихъ, но не таковъ постъ, который я избралъ: „раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой и скитающихся бѣдныхъ (т.е. людей скорби) введи въ домъ“. Основная ошибка автора статьи сказывается въ слѣдующихъ его словахъ: „Смѣшивать,—говоритъ онъ,—обязанности человѣка, распредѣляющаго налоги въ пользу бѣдныхъ, съ обязанностью благотворительныхъ учреждений—сть крупное и пагубное заблужденіе“. Это мѣсто такъ безусловно ошибочно,

38. Повторяю, вы, какъ нація, презираете всѣ эти удовольствія и добродѣтели. Правда, и теперь среди васъ есть люди, относящіеся къ нимъ иначе; и ихъ-то трудами, мощью, жизнью и смертью вы живете, никогда не чувствуя къ нимъ благодарности. Ваши богатства, ваши удовольствія, ваша гордость были бы немыслимы безъ этихъ людей, которыхъ вы презираете или забываете. Сторожъ, всю ночь расхаживающій взадъ и впередъ по мрачному переулку, предупреждая порождаемая вами преступленія, этотъ сторожъ, которому могутъ ежеминутно разможить голову, или котораго могутъ изуродовать на всю жизнь, ни отъ кого не получаетъ благодарности; морякъ, борящійся съ разъярившимся моремъ, мирный ученый, не разгибая спины сидящій надъ книгами или колбами, обыкновенный рабочій безъ похвалы и часто безъ хлѣба тянущій свою лямку, безнадежную и всѣми презираемую, — вотъ тѣ люди, благодаря которымъ живетъ Англія, но они не составляютъ націи, они только ея плоть и нервы, дѣйствующіе въ конвульсивномъ упорствѣ, даже когда духа уже нѣтъ. Наша національная цѣль и наше желаніе состоятъ въ томъ, чтобы насъ забавляли, наша національная религія ограничивается выполненіемъ церковныхъ обрядовъ и снотворными проповѣдями истинъ или не истинъ, съ цѣлью убѣждать чернь мирно трудиться въ то время, какъ мы забавляемся; и эта потребность въ забавахъ и развлеченіяхъ давить насъ, какъ какое-то лихорадочное недомоганіе, вызывая сухость во рту и воспаленность въ блуждающихъ взорахъ, лишая насъ сознанія, дѣлая насъ разнужданными. Это слово „недомоганіе“, — потеря мощи, — отлично характеризуетъ нравственное состояніе англійской промышленности и ея забавъ.

что сущность его слѣдуетъ принимать наоборотъ. Чтобы правильно относиться къ какому-нибудь вопросу о существующихъ народныхъ бѣдствіяхъ, основой закона по вопросу о пауперизмѣ должно быть признаніе, что люди, занимающіеся раздачей пособій отъ имени народа, должны раздавать ихъ возможно деликатно и щедро, настолько же щедрѣе и больше сравнительно съ тѣмъ, что возможно для частной благотворительности, насколько общенародная мудрость и могущество предполагаются больше мудрости единичной личности. Съ тѣхъ поръ, какъ строки эти были написаны, „Pall Male Gasette“ стала простымъ партійнымъ органомъ, какъ и всѣ остальные газеты, но который въ общемъ приноситъ больше пользы, чѣмъ вреда.

39. Когда люди правильно заняты, ихъ удовольствія, какъ лепестки плодоноснаго цвѣтка, являются результатомъ ихъ работы; когда они истинно отзывчивы и сострадательны, всѣ ихъ чувства основательны, глубоки, непоколебимы и также живительно дѣйствуютъ на душу, какъ здоровый пульсъ въ нормальномъ организмѣ. Но теперь, не имѣя настоящаго дѣла, мы тратимъ всю нашу мускульную энергію на ложное дѣло пріобрѣтенія денегъ; не имѣя здоровыхъ впечатлѣній, мы устраиваемъ себѣ искусственныя, подмалевывая ихъ для забавы не невинно, какъ дѣти, играющія въ куклы, а преступно и въ тайнѣ, какъ евреи, поклонявшіеся идоламъ и дѣлавшіе ихъ изображенія на стѣнахъ пещеръ, которыя людямъ приходилось разрывать. Справедливость, которую мы нарушаемъ въ жизни, мы прославляемъ въ повѣстяхъ и на сценѣ; красоты, разрушаемыя нами въ природѣ, мы замѣняемъ метаморфозами пантомимъ; и потребность въ благоговѣніи и состраданіи до того свойственна человѣческой природѣ, что, вмѣсто благой отзывчивости къ горю ближнихъ и чистыхъ слезъ, которыя намъ слѣдовало бы проливать, мы жадно слѣдимъ за сенсационными уголовными дѣлами и впиваемъ вечернія росы могилъ.

40. Трудно оцѣнить истинное значеніе всѣхъ этихъ фактовъ, которые сами по себѣ довольно ужасны; хотя степень національной вины, скрытой въ нихъ, можетъ быть, не такъ велика, какъ кажется съ перваго взгляда. Мы допускаемъ или причиняемъ ежедневно тысячи убійствъ, не желая никому зла; мы сжигаемъ дома и опустошаемъ поля крестьянъ, но были бы сильно огорчены, узнавъ, что мы кому-нибудь нанесли вредъ. Въ душѣ мы еще добры, способны на всевозможныя добродѣтели, но какъ дѣти. Чальмерсъ, имѣвшій большое вліяніе на публику и испытавшій много огорченій отъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, подъ конецъ своей долгой жизни воскликнулъ: „Публика—это большой ребенокъ!“ Причина, побудившая меня рассмотреть всѣ эти важные вопросы при изслѣдованіи методовъ чтенія, кроется въ томъ, что чѣмъ больше я всматривался въ наши національныя ошибки и несчастія, тѣмъ больше прихожу къ заключенію, что они результатъ нашего ребяческаго литературнаго невѣжества и необразованности въ дѣлѣ самыхъ простыхъ пріемовъ мышленія. Это, повторяю я, не порокъ, не себялюбіе, не тупость мозга, а замѣчательная ребяческая безпечность,

отличающаяся отъ безопасности дѣтей только тѣмъ, что ей нельзя помочь, такъ какъ мы не признаемъ никакихъ наставниковъ.

41. Существуетъ интересный типъ, изображенный на прелестной, но всеми забытой картинѣ послѣдняго изъ нашихъ великихъ художниковъ. На этой картинѣ передъ нами Киркби-Лондэльское кладбище; тутъ же видѣется ручей, долина, холмики и утреннее облачное небо надъ ними. Но, не обращая вниманія ни на живыя красоты природы, ни на покойниковъ, покинувшихъ этотъ мiръ для иныхъ долинъ и небесъ, кучка школьниковъ сложила свои маленькiя книги на одну изъ могилъ и сшибаетъ ихъ камнями. Также точно и мы играемъ словами умершихъ, которыя могли бы многому насъ научить, и нашей печальной безпечностью далеко отталкиваемъ ихъ отъ себя; мы не хотимъ подумать, что эти листья, развѣваемые вѣтромъ, не только собраны на могильныхъ плитахъ, но и носятъ на себѣ печать волшебнаго замка, вратъ великаго града усопшихъ царей, которые пробудились бы и стали заодно съ нами, еслибы мы только умѣли съ ними заговорить. Какъ часто, даже проникнувъ черезъ ихъ мраморныя врата, мы только бродимъ между этими древними покоящимися царями, касаемся ихъ одеждъ, шевелимъ вѣнцы на ихъ головахъ, и они попрежнему, оставаясь нѣмы, въ своемъ безмолвіи кажутся намъ призраками, покрытыми пылью, только потому, что мы не знаемъ тѣхъ сердечныхъ чаръ, которыя могутъ ихъ пробудить. Услыхавъ эти магическiя слова, они мгновенно воспрянули бы, чтобы привѣтствовать насъ въ своей неуязвимой силѣ, поближе взглянуть и разсмотрѣть насъ, и, подобно тому, какъ прежде павшіе цари подземнаго царства привѣтствовали своего новаго собрата, говоря: „Развѣ и ты сталъ падшимъ, какъ и мы? Развѣ и ты сталъ однимъ изъ насъ?“—такъ и эти цари, съ ихъ нетускнѣющими и незыблемыми вѣнцами, встрѣтили бы насъ вопросомъ: „Развѣ и вы стали чисты и мощны сердцемъ, какъ и мы? Развѣ и вы стали подобны намъ?“

42. Быть мощнымъ сердцемъ и умомъ, быть великодушнымъ—значить дѣйствительно стать великимъ въ жизни; преуспѣвать въ этомъ, значить успѣвать въ жизни—въ самой жизни, а не въ мишурномъ ея блескѣ. Друзья, помните ли вы древній обрядъ скивовъ, когда у нихъ умиралъ глава семьи? Его одѣвали въ лучшія

одежды, сажали на колесницу и везли къ жилищамъ его друзей; каждый изъ друзей бралъ его трупъ, сажалъ во главѣ стола, и въ присутствіи его всѣ пировали. Представьте себѣ, что кто-нибудь не на дѣлѣ, какъ это постоянно бываетъ, а въ ясныхъ словахъ предложилъ бы вамъ тотъ же скиѣскій почетъ, пока вы еще живы. Вообразите себѣ, что къ вамъ обращаются съ слѣдующимъ предложеніемъ: вы медленно, постепенно умираете; ваша кровь съ каждымъ днемъ становится все холоднѣе, тѣло все болѣе разлагается, сердце бьется все медленнѣе и клапаны его портятся, какъ желѣзо отъ ржавчины; жизнь все больше увядаетъ, и вы все сильнѣе погружаетесь въ царство вѣчнаго холода, но съ каждымъ днемъ ваше тѣло разукрашивается все болѣе пышными одеждами, васъ сажаютъ на все болѣе возвышенныя колесницы, и грудь ваша украшается все большимъ количествомъ звѣздъ, голова—все болѣе пышными коронами. Люди преклоняются передъ вашей колесницей, съ изумленіемъ толпятся вокругъ нея на улицахъ, строятъ вамъ дворцы и, усадивъ васъ въ передній уголъ стола, пируютъ въ честь васъ; въ васъ еще сохранилось настолько жизни, чтобы понимать все, что они дѣлаютъ, чувствовать всю тяжесть золотыхъ одѣяній на вашихъ плечахъ, зубцы короны на вашей головѣ, но и только. Примете-ли вы такое предложеніе, ясно высказанное вамъ ангеломъ смерти? Неужели, думаете вы, что даже самый жалкій изъ насъ согласится на это? А, между тѣмъ, практически, въ дѣйствительности, каждый изъ насъ въ извѣстной степени хватается именно за такую жизнь, и многіе принимаютъ ее со всѣми сопутствующими ее ужасами. Такую жизнь принимаетъ каждый жаждущій успѣха въ свѣтѣ, не понимая, что такое настоящій свѣтъ, не зная истинной жизни,—каждый, кто подъ успѣхомъ разумѣетъ большое количество лошадей, слугъ, денегъ, почестей, а не большую полноту духовной жизни. Дѣйствительно преуспѣваетъ въ жизни только тотъ, чье сердце становится все мягче, кровь все теплѣе, чья мысль работаетъ все быстрѣе и чья душа все больше наслаждается живительнымъ миромъ. И люди, имѣющіе въ себѣ эту жизнь, являются истинными и единственными царями и властелинами земли. Всѣ остальные властелины—лишь постольку истинные, поскольку они являются практическими выразителями такой власти; въ противномъ же

случаѣ они не болѣе, какъ сценическіе герои, — дорогія зрѣлища

43. И я не нахожу достаточно словъ, чтобы выразить мое удивленіе, когда слышу, что мыслящіе люди говорятъ о государствѣ, какъ о чьей-то частной собственности, которую можно купить, продать, или приобрѣсти инымъ какимъ-нибудь способомъ, говорятъ о подданныхъ, какъ о стадѣ барановъ, мясомъ которыхъ они должны питаться, а шерстью одѣваться, словно будто презрительное названіе „пожирателей народовъ“, данное Ахилломъ, относится всегда и ко всѣмъ властелинамъ, а увеличеніе владѣній націи означаетъ то же, что и увеличеніе владѣній частной личности. Цари, такъ думающіе, какъ бы не были они могущественны, такіе же властители людей, какъ овода властители лошадей; они сосутъ изъ нихъ кровь, доводятъ ихъ до бѣшенства, но не руководятъ ими. Они, со своими дворами и арміями, являются только крупной разновидностью болотныхъ москитовъ, со штыками вмѣсто хоботковъ и съ мелодичными жужжащими трубами въ лѣтнемъ воздухѣ; при чемъ сумерки являются иногда болѣе благопріятнымъ, но едва ли болѣе здоровымъ временемъ, для такого сверкающаго роя мошкеры. Истинные властелины правятъ спокойно, стараюсь возможно меньше управлять, и ненавидятъ всякое насиліе; многіе изъ нихъ совершаютъ „il gran rifiuto“, если же нѣтъ, то толпа, какъ только они ей могутъ быть полезны, всегда готова сдѣлать ихъ предметомъ своихъ „gran rifiuto“.

44. Но и видимые властелины могутъ современемъ стать истинными, если они когда-нибудь станутъ цѣнить свои владѣнія по ихъ силѣ, а не по географическимъ ихъ границамъ. Въ сущности, весьма мало имѣетъ значенія, лишитесь-ли вы клокка земли по сю сторону Трента или замка по ту сторону Рейна. Но очень важно для васъ, властелины людей, если вы имѣете возможность говорить однимъ „идите“ и они идутъ, а другимъ „приходите“ и они приходятъ, имѣете возможность направлять людей подобно теченію рѣкъ и знать, куда вы ихъ зовете и куда они идутъ. Очень важно для васъ, властелины людей, знать, ненавидитъ ли васъ народъ и вымираетъ ли, благодаря вамъ, или любитъ васъ и живетъ вами. Измѣряйте лучше ваши владѣнія количествомъ людей, а не ми-

лями и градусами широты, дивной горячей и безграничной любовью влекущей народы къ вамъ, а не отталкивающей ихъ отъ васъ.

45. Измѣряйте! Пѣть, вы не въ силахъ измѣрить!. Кто измѣритъ различіе между властью тѣхъ, о которыхъ сказано, что они „сотворятъ и научатъ и нарекутся величайшими какъ на землѣ, такъ и на небѣ“, и властью тѣхъ, кто, разрушая и истребляя, уподобляется моли и ржавчинѣ? Поразительно, сколько откладывается сокровищъ въ жертву моли, ржавчинѣ, ворами, и какъ мало такихъ сокровищъ, которымъ не нужно никакихъ сторожей и которыхъ чѣмъ больше расхищается, тѣмъ лучше. До сихъ поръ существовало только три рода властелиновъ: властелины расшитыхъ одеждъ пригодныхъ лишь для отдачи на прокатъ, шлемовъ и мечей, пригодныхъ только, чтобъ тускнѣть, и жемчуга и золота, пригодныхъ лишь для разбрасыванія. Но представьте себѣ, что появляется четвертый родъ властелиновъ, которые вычитали изъ забытой старой книги, что существуютъ еще сокровища четвертаго рода, съ которыми не могутъ сравняться ни брилліанты, ни драгоценнѣйшіе металлы и которыя нельзя пріобрѣсти даже цѣной самаго чистаго золота. Ткань, ставшая прекрасной потому, что ее ткала Аѳина на своемъ челнокѣ; оружіе, кованное Вулканомъ въ божественномъ огнѣ; золото, добываемое изъ самой раскаленной сердцевины солнца, когда оно садится за Дельфійскими утесами; ярко выкрашенныя ткани, непроницаемые латы и расплавленное чистое золото—вотъ три великихъ генія жизни, труда и мысли, взывающіе къ намъ и поджидающіе насъ у нашихъ дверей, чтобы поддерживать своей окрыленной мощью и руководить своими непогрѣшимыми очами по пути, чуждому тлѣнью и недоступному взору хищника. Предположите, что когда-нибудь явятся цари, услышавшіе и увѣровавшіе въ эти слова и которые, собравъ всѣ сокровища мудрости, представляютъ ихъ въ распоряженіе своего народа.

46. Подумайте, какое это было бы поразительное зрѣлище, исполнѣ, правда, непонятное при данномъ положеніи нашей національной мудрости. Мы стали бы обучать нашихъ крестьянъ владѣть не штыками, а книгами, стали бы организовывать, развивать и поддерживать платой и хорошимъ предводительствомъ арміи мыслителей, а не убійцъ; находить такое же наслажденіе въ читаль-

няхъ, какое теперь доставляютъ маневры, выдавать награды за ловкій выстрѣлъ по факту, а не за умѣніе осыпать свинцомъ мишень. Какая, не правда ли, дикая идея, что богатства капиталистовъ въ цивилизованныхъ странахъ должны итти на поддержаніе литературы, а не войны!

47. Но позвольте воспользоваться вашимъ терпѣніемъ и прочесть вамъ одно мѣсто изъ книги, которая одна изъ всѣхъ, написанныхъ мною, дѣйствительно заслуживаетъ названіе книги и навѣрное будетъ дольше всѣхъ читаться и имѣть наибольшее вліяніе.

„Самая вредная сторона накопленія богатства въ Европѣ состоитъ въ томъ, что это чисто капиталистическое богатство идетъ на поддержаніе несправедливыхъ войнъ. Справедливыя войны не нуждаются въ такой массѣ денегъ, такъ какъ большинство людейъ въ нихъ участвующихъ, борются безкорыстно; но для несправедливой войны нужно покупать и тѣло, и душу людей, и эти лучшія орудія войны до крайности возвышаютъ ея стоимость; мы не говоримъ здѣсь о томъ, во что обходится низкій страхъ и враждебная подозрительность между націями, у которыхъ не достаеетъ честности, чтобы добыть себѣ хоть одинъ часъ душевнаго спокойствія. Такъ, напр., въ настоящее время Франція и Англія ежегодно платятъ по сту милліоновъ за свой страхъ и опасеніе (замѣчательно отрадная жатва наполовину изъ шиповъ, терна и наполовину изъ листьевъ осины, посѣянная, выращенная и собранная въ житницу современной политико-экономической наукой, проповѣдующей алчность, вмѣсто справедливости). А такъ какъ каждая несправедливая война поддерживается если не ограбленіемъ непріятели, то деньгами капиталистовъ, которые, въ свою очередь, облагаютъ налогами народъ, безгласный, повидимому, въ этомъ вопросѣ, то воля капиталистовъ и является основой всѣхъ этихъ войнъ; но истинный корень ихъ заключается въ алчности всей націи, благодаря которой она неспособна ни къ довѣрію, ни къ честности, ни къ справедливости и потому, въ свое время, несетъ должное лишеніе и возмездіе.

48. Франція и Англія, замѣтите, платятъ за то, чтобы наводить другъ на друга панику, и ежегодно это имъ обходится въ

сотни милліоновъ рублей. Теперь представьте себѣ, что обѣ эти націи, вмѣсто того, чтобы тратить эти милліоны на внушеніе другъ другу паническаго страха, рѣшились бы жить въ мирѣ и покупать ежегодно на сто милліоновъ знанія, устраивая библіотеки, художественныя галлерей, музеи, сады и мѣста отдохновенія. Неужели это не было бы лучше и для Франціи, и для Англіи?

49. Но такое время не скоро настанетъ, хотя я и надѣюсь, что мы въ ближайшемъ будущемъ дождемся устройства королевскихъ или національныхъ библіотекъ въ каждомъ значительномъ городѣ, съ подборомъ въ нихъ цѣлыхъ серій царственныхъ книгъ; такія серіи избранныхъ книгъ, наилучшихъ по каждому отдѣлу, будутъ находиться въ каждой изъ нихъ и составлены возможно тщательнѣе; форматъ книгъ долженъ быть одинаковый, съ широкими полями, и составлять красивые томики, легкіе, изящные, въ прочныхъ переплетахъ; всѣ эти обширныя библіотеки должны быть во всякое время дня и вечера доступны всѣмъ людямъ, умѣющимъ держать книги въ порядкѣ, причемъ должны быть установлены строгія правила относительно соблюденія чистоты и тишины.

50. Я могъ бы набросать вамъ и планы галлерей искусствъ, естественнoисторическихъ музеевъ и многихъ другихъ очень полезныхъ учрежденій, но устройство библіотекъ является, по моему мнѣнію, самымъ полезнымъ и необходимымъ и послужило бы значительнымъ укрѣпляющимъ средствомъ для нашей британской конституціи, страдающей за послѣднее время особеннымъ истощеніемъ и малокровіемъ, нуждаясь въ полезномъ питаніи. Съ этой цѣлью вы отмѣнили законъ на зерновой хлѣбъ; постарайтесь, если можете, установить законы относительно гораздо лучшаго хлѣба, испеченнаго изъ стараго магическаго арабскаго зерна—Сезама, помогающаго отмыкать двери не ворамъ, а друзьямъ царственныхъ сокровищъ.

Чтеніе II.—Лиліи о садахъ царицъ.

Возвеселятся пустыни и сухая земля,
и возрадуется страна необитаемая и
расцвѣтетъ, какъ нарциссъ; великолѣпно
будетъ цвѣсти и радоваться, будетъ тор-
жествовать и ликовать. Ісаія 35, 1, 2.

51. Это чтеніе является продолженіемъ предъидущаго, поэтому я считаю не лишнимъ высказать вамъ въ немногихъ словахъ общую цѣль того и другого.

Вопросъ о томъ, *какъ* и *что* читать, спеціально вытекаетъ изъ гораздо болѣе глубокаго вопроса: *зачѣмъ* читать? — и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы серьезно задали его себѣ, признавъ вмѣстѣ со мной, что всѣми преимуществами современнаго широко распространеннаго образованія и богатой литературы правильно воспользоваться могутъ только тѣ изъ насъ, которые ясно понимаютъ, къ чему ведетъ образованіе, и что даетъ литература. Я желалъ бы, чтобы вы уяснили себѣ, что хорошо направленное нравственное воспитаніе и хорошій подборъ книгъ ведутъ къ обладанію поистинѣ царственной властью надъ всѣми, дурно воспитанными и не обладающими литературнымъ образованіемъ, — властью, наиболѣе чистой и величественной изъ всѣхъ существующихъ. Очень многія властвующія силы (какими бы ни отличались онѣ внѣшними атрибутами и матеріальнымъ могуществомъ) являются или призрачными, или деспотическими. Призрачными, т.-е. призраками и тѣнями царственнаго величія, пустыми, какъ смерть, и носящими только подобіе царственной короны, или деспотическими, замѣняющими собственнымъ произволомъ законъ справедливости и любви, во имя котораго управляютъ всѣ истинные цари.

52. Желая, чтобы эта мысль запечатлѣлась въ вашей памяти, я, какъ началъ съ нея, такъ и закончу ею, и настойчиво еще разъ повторяю, что существуетъ только одно истинное величіе, чистое и вѣчное, безразлично вѣнчанное или нѣтъ. Это величіе высшаго нравственнаго состоянія (state), болѣе мощной мысли, дающей возможность руководить болѣе слабыми и возвышать ихъ до себя.

Замѣьте это слово „состояніе“ (state *); истинный смыслъ его мы забыли и утратили. Оно буквально выражаетъ стойкость или устойчивость, и ясное значеніе его вы имѣете въ словѣ „статуя“, т.-е. вещи неподвижной. Итакъ, царственное величіе или состояніе зависитъ отъ стойкости, отъ отсутствія трепета, содроганія или колебанія власти, установленной на основѣ вѣчнаго закона, ни измѣнить, ни ниспровергнуть котораго ничто не въ силахъ.

53. Признавая, что литература и воспитаніе постольку и полезны, поскольку они стремятся установить эту спокойную, благотворную, а потому и царственную власть, прежде всего надъ нами самими, а черезъ насъ и надъ всѣмъ, насъ окружающимъ, я предложу вамъ теперь разсмотрѣть вмѣстѣ со мной, какой специальной частью этого царственнаго величія, возникающаго изъ благороднаго воспитанія, могутъ обладать и женщины; насколько и онѣ призваны къ истинно царственной власти не только въ домашнемъ хозяйствѣ, но и во всѣхъ сферахъ жизни, и въ какомъ смыслѣ это царственное или милосердное вліяніе, правильно понятое и принимаемое, можетъ оправдать названіе „садовъ царицъ“, которое мы придали той территоріи, гдѣ каждая изъ нихъ царить.

54. И здѣсь мы съ самаго начала наталкиваемся на другой, гораздо болѣе важный вопросъ, — вопросъ, остающійся для многихъ изъ насъ вполне неразрѣшеннымъ, несмотря на все глубокое его значеніе.

Мы не можемъ опредѣлить, какова должна быть царственная власть женщинъ, пока не установимъ, въ чемъ заключается ихъ обычная власть. Мы не можемъ рѣшить, насколько воспитаніе можетъ содѣйствовать болѣе широкому выполненію женщинами ихъ обязанностей, пока не опредѣлимъ ясно и твердо, въ чемъ состоятъ ихъ постоянныя истинныя обязанности. А между тѣмъ

---

*) По-русски это не переводимо. На англійскомъ языкѣ „state“ означаетъ какъ состояніе или положеніе, такъ и государство и страну.

теперь больше, чѣмъ когда-либо, мы слышимъ крайне дикіе разговоры и самыя нелѣпыя и праздыя фантазіи по этому вопросу, существенно жизненному для счастья общества. Отношенія женщины къ мужчинѣ, различія ихъ умственныхъ и духовныхъ способностей никогда еще вполне и безспорно не опредѣлялись. Мы слышимъ разговоры о „назначеніи“ женщины и объ ея „правахъ“, какъ будто мыслимо отдѣлить ихъ отъ назначенія и отъ правъ мужчины, какъ будто *она* и *онъ* различныя существа, съ особенными требованіями, непримиримыми между собой. Все это совершенно не вѣрно. Но еще болѣе безумно и несправедливо предполагать, что женщина только тѣнь и точное отраженіе ея властелина, что она должна бессмысленно и рабски повиноваться ему, поддерживаемая въ своей слабости превосходствомъ его силы.

Это, говорю я, самое безумное изъ всѣхъ заблужденій относительно женщины, созданной быть помощницей и товарищемъ мужчины. А можетъ-ли тѣнь помогать, или раба быть достойнымъ товарищемъ?

55. Попытаемся же составить себѣ ясное и стройное (стройное, если вѣрно) понятіе объ отношеніи силы и значенія ума и добродѣтели женщинъ къ уму и нравственнымъ свойствамъ мужчинъ, а также о томъ, какъ эти отношенія, правильно установленныя, содѣйствуютъ силѣ, чести и авторитету обоихъ.

И здѣсь мнѣ приходится повторить высказанное уже въ предъидущемъ чтеніи, а именно, что первая польза воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дать намъ возможность по всѣмъ серьезнымъ и труднымъ вопросамъ совѣтоваться съ величайшими людьми. Правильно пользоваться книгами, значитъ обращаться къ нимъ за помощью, прибѣгать къ нимъ, когда наши знанія и умственныя силы недостаточны, подъ ихъ руководствомъ расширять нашъ кругозоръ, составлять болѣе ясное представленіе и получать отъ нихъ совмѣстный приговоръ судей и совѣтниковъ всѣхъ временъ относительно нашего единичнаго и неустойчиваго мнѣнія.

Примѣнимъ это теперь. Посмотримъ, въ чемъ, по вопросу о назначеніи женщины, величайшіе, мудрѣйшіе и наиболѣе чистые сердцемъ люди согласны между собой; выслушаемъ ихъ свидѣтельство относительно того, въ чемъ они признавали истинное достоинство женщины и ея содѣйствіе мужчинъ.

56. Начнемъ съ Шекспира. Отмѣтимъ прежде всего, что у Шекспира нѣтъ героевъ, а имѣются только героини. Во всѣхъ его драмахъ нѣтъ ни одной вполнѣ геройской мужской фигуры, кромѣ слабо обрисованной фигуры Генриха V, преувеличенной ради сценическаго эффекта, и еще болѣе слабой фигуры Валентина. Во всѣхъ же его болѣе обработанныхъ и совершенныхъ пьесахъ нѣтъ героя. Отелло былъ бы героемъ, если бы не былъ такъ простъ и не сталъ жертвой всѣхъ низменныхъ продѣлокъ, совершающихся вокругъ него, но онъ все же единственный субъектъ, приближающійся къ геройскому типу. Коріоланъ, Цезарь, Антоній падаютъ жертвой тщеславія; Гамлетъ нерѣшителенъ и вяло созерцателенъ; Ромео—нетерпѣливый юноша; Венеціанскій купецъ безсильно подчиняется превратностямъ судьбы; Кентъ въ „Король Лиръ“ вполнѣ благороденъ душой, но слишкомъ грубъ, не отшлифованъ, чтобы быть дѣйствительно полезнымъ въ критическое время, и опускается до роли простого слуги; не менѣе благородный Орlando является отчаяннымъ игралищемъ случая, но Розалинда слѣдуетъ за нимъ, поддерживаетъ и спасаетъ его. И, наоборотъ, едва-ли у Шекспира есть хоть одна пьеса, въ которой не было бы совершенной женщины, непреклонной въ своихъ упованіяхъ и въ своей безупречной цѣли: Кюрделия, Дездемона, Изабелла, Ерміона, Имогена, королева Екатерина, Пердита, Сильвія, Віола, Розалинда, Елена и, наконецъ, прелестнѣйшая изъ всѣхъ Виргилія, всѣ онѣ являются безукоризненными представительницами высшаго геройскаго типа человѣчества.

57. Во-вторыхъ, замѣтте, что катастрофы всѣхъ драмъ происходятъ вслѣдствіе безумія или ошибокъ мужчинъ, а спасеніе—(если оно есть)—отъ мудрой и добродѣтельной женщины, если же нѣтъ такой женщины, то катастрофа неизбежна. Катастрофа короля Лира является слѣдствіемъ отсутствія у него правильнаго сужденія, результатомъ нетерпѣливаго тщеславія и непониманія своихъ дѣтей. Добродѣтель единственно преданной ему дочери защитила бы его отъ оскорбленій всѣхъ остальныхъ, не оттолкну онъ ее отъ себя. Но при всемъ томъ она, однако, спасаетъ его.

Едва-ли мнѣ нужно излагать вамъ исторію Отелло, недостатки его могущественной любви и слабую проникаемость его ума, такъ что даже второстепенная женская личность въ драмѣ—Эмилія, умирая свидѣтельницей его заблужденія, восклицаетъ:

„О, убійственный безумецъ! что можно ожидать отъ него по отношенію къ такой доброй женѣ?“

Въ „Ромео и Джульетъ“ разумная и смѣлая выдумка женщины приводитъ къ гибельному исходу, благодаря опрометчивому нетерпѣнію мужчины.

Въ „Зимней сказкѣ“ и въ „Цимбелинѣ“ счастье и существованіе двухъ княжескихъ семей, загубленныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ и доведенныхъ до края гибели безуміемъ и упорствомъ мужей, спасается, наконецъ, царственнымъ терпѣніемъ и мудростью женъ.

Въ „Мѣра за мѣру“ гнусная несправедливость судьи и столь же гнусная трусость брата противопоставляются побѣдоносной правдивости и алмазной чистотѣ женщины.

Въ „Коріоланѣ“, совѣтъ матери, своевременно принятый, спасъ бы ея сына отъ всякаго зла, еслибъ онъ не забылъ его; ея мольба, услышанная имъ наконецъ, правда, спасаетъ его, но уже не отъ смерти, а отъ печальной участи жить на гибель своей страны.

А что мнѣ сказать о Юліи, непоколебимой при всемъ непостоянствѣ ея возлюбленнаго, этого капризнаго ребенка? Объ Еленѣ и дерзости и оскорбленіи безпечнаго юноши? О терпѣніи Геры, о страстной любви Беатриціи и о спокойно преданной мудрости „неученой дѣвушки“, являющейся въ безпомощности, слѣпотѣ и мстительной ярости мужчинъ чуднымъ ангеломъ, вносящимъ своимъ присутствіемъ смѣлость и безопасность, устраняя худшія стороны преступленія своей предусмотрительностью и строгой логичностью мысли, въ недостаткѣ которыхъ принято, обыкновенно, обвинять женщинъ?

58. Замѣьте дальше, что въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмахъ Шекспира есть только одна безумная женщина—Офелія, которая потому и стала безумной, что ея въ критическій моментъ не оказалось при Гамлетѣ, и что она, по самой природѣ своей, не можетъ быть его руководительницей, когда онъ наиболѣе въ этомъ нуждается, вслѣдствіе чего и происходятъ печальныя катастрофы. Наконецъ, всѣ три безумныя женщины изъ числа главныхъ дѣйствующихъ лицъ, леди Макбетъ, Регина и Гонерилья, даютъ ясно почувствовать, что онѣ представляютъ рѣзкое противорѣчіе обычнымъ законамъ жизни, и что вліяніе ихъ является роко-

вымъ въ соотвѣтствіи съ той силой добра, которой онѣ лишены. Таково въ общихъ чертахъ свидѣтельство Шекспира по вопросу о положеніи и роли женщинъ въ жизни человѣчества. Онѣ являются у него безупречно вѣрными совѣтницами, безукоризненно справедливыми и чистыми образами, всегда готовыми освѣтить, если не могутъ спасти.

Позвольте мнѣ предложить вамъ выслушать теперь свидѣтельствъ Вальтеръ-Скотта. Какъ въ знаніи человѣческой природы, такъ и въ пониманіи причинъ и хода судебъ, онъ далеко не можетъ стоять на одной высотѣ съ Шекспиромъ, но все же онъ писатель, дающій намъ самое широкое понятіе объ условіяхъ и обычныхъ взглядахъ современнаго ему общества.

Я оставляю въ сторонѣ его романтико-прозаическія произведенія, какъ не имѣющія никакого значенія, и романтическую поэзію его юныхъ дней, прекрасную, но свидѣтельствующую только объ его юношескомъ идеалѣ.

Капитальныя же его произведенія, какъ результатъ изученія шотландской жизни, являются истиннымъ свидѣтельствомъ, и во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ только трехъ мужчинъ, возвышающихся до типа героевъ *): Данди Дикмантъ, Робъ Рой и Клаверхаузъ; изъ нихъ одинъ—приморскій кортомщикъ, другой—разбойникъ, а третій—солдатъ, защищающій дурное дѣло. И всѣ они близки къ геройству только въ храбрости и вѣрѣ, но ихъ мощный умъ необразованъ и ошибочно направленъ. Остальныя же дѣйствующія лица являются игралищами фантастической судьбы, и только случайно, благодаря ей, они выживаютъ, но не побѣждаютъ испытанія, которое неволью сами себѣ создаютъ.

Въ обрисовкѣ молодыхъ людей мы не встрѣчаемъ и слѣда какихъ-нибудь дисциплинированныхъ или твердыхъ характеровъ,

*) Для большей ясности высказываемой мной мысли, мнѣ слѣдовало бы отмѣтить различныя недостатки, приносящіе идеальную сторону крупныхъ мужскихъ характеровъ: въ Веверле—себялюбіе, въ Реджаунтлетѣ—ограниченность ума, въ Эдуардѣ Глендингѣ—слабый религіозный энтузіазмъ и т. п., прибавивъ при этомъ, что у Вальтеръ-Скотта имѣется нѣсколько набросковъ вполне совершенныхъ характеровъ, но изъ числа лицъ, стоящихъ на заднемъ планѣ; таковы (что, конечно, можно счесть за любезность съ его стороны по отношенію къ Англій и ея воинамъ) три англійскихъ солдата: полковники Гардаинеръ, Тальботъ и Манерингъ.

серьезной, мудро созданной цѣли борьбы съ враждебнымъ зломъ и рѣшительной побѣды надъ нимъ. Тогда какъ въ выводимыхъ женщинахъ,—въ характерахъ Елены Дугласъ, Флоры Макъиворъ, Розы Брадвардинъ, Екатерины Сейтоиъ, Діаны Вернонъ, Лиліи Реджгаунтлетъ, Алисы Бриджнортъ, Алисы Ли и Джени Динсъ,—мы находимъ, рядомъ съ разнообразными типами граціи, нѣжности и умственной силы, вполне безукоризненное чувство человѣческаго достоинства и справедливости, безстрашную, постоянную и неутомимую самоотверженность въ выполненіи даже внѣшнихъ проявленій долга, а тѣмъ болѣе его существенныхъ требованій, и, наконецъ, стойкую мудрость глубокой и сдерживаемой привязанности, которая не только охраняетъ ихъ отъ минутныхъ заблужденій, но и постепенно образуетъ, воодушевляетъ и вдохновляетъ характеры ихъ недостойныхъ любимцевъ, такъ что къ концу романа мы съ трудомъ удерживаемся, чтобы не возмущаться незаслуженнымъ успѣхомъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ, какъ у Вальтеръ Скотта, такъ и у Шекспира женщина охраняетъ, наставляетъ и руководить юношами, и никогда юноши не выполняютъ ^{тѣмъ} этого по отношенію къ своимъ возлюбленнымъ.

60. Затѣмъ обратитесь къ болѣе важному свидѣтельству великихъ итальянцевъ и грековъ. Вы хорошо знаете величественную поэму Данте дышащую любовью къ умершей возлюбленной и прославленіемъ ея заботъ объ его душѣ. Снисходя даже не изъ любви, а изъ сожалѣнія, она, однако, спасаетъ его отъ гибели, отъ ада. Онъ, полный отчаянія, постоянно сбивается съ пути, и вотъ на помощь ему она спускается съ неба и, являясь его руководительницей по всѣмъ ступенямъ рая, поясняетъ ему самыя трудныя божественныя и человѣческія истины и, поучая, ведетъ его отъ звѣзды къ звѣздѣ.

Я не хочу подробно останавливаться на взглядахъ Данте. Къ тому же, начавъ говорить о немъ, я не скоро кончилъ бы, и вы могли бы принять его характеристику за дикую фантазію поэтической души. Поэтому я предпочитаю прочесть нѣсколько строкъ изъ вполне обдуманнаго посланія одного пизанскаго рыцаря къ своей живой возлюбленной, — посланія, проникнутаго чувствами всѣхъ благороднѣйшихъ людей тринадцатаго и начала четырнадцатаго

столѣтія. Это одно изъ числа многихъ свидѣтельствъ рыцарскаго уваженія и любви, которыя Данте Россетти сохранилъ для насъ изъ произведеній древнихъ италіянскихъ поэтовъ:

Въ душѣ моей призывъ таинственный родился:
Открыто чтить тебя, открыто преклониться;
И я предъ зовомъ тѣмъ, безропотно умолкъ.
Покорно слушала святыя повелѣнья,
Я чувствую въ душѣ такое наслажденье
Какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ.

* * *

Предъла нѣтъ теперь моимъ восторгамъ болѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ путь моя избрала воля:
Служить всегда тебѣ, о радости цвѣтокъ.
Чтобъ никогда въ душѣ моей не появился
Ни сожалѣнья вздохъ, ни жалобы упрекъ,
Съ тобою сердцемъ всѣмъ и всей я мыслью сжился.
Вокругъ себя, какъ брызжущій фонтанъ,
Ты красоту и блага разсыпашь,
Въ тебѣ даръ высшей мудрости мнѣ данъ,
И почестъ отъ меня за это принимаешь,
Которой награжденъ всегда властитель тотъ,
Кто подданныхъ своихъ ко благу лишь ведетъ.

* * *

Съ мгновенія, когда предсталъ мнѣ образъ твой,
Вселившись въ сердце мнѣ, великъ, могучъ и властенъ,
Я свѣту дивному душою сталъ причастенъ,
Великой истины сталъ трономъ разумъ мой,
Который до тѣхъ поръ, о, добрый духъ, виталъ
Средь мрака вѣчнаго и грозной смертной сѣни
И въ прошлой жизни всей едва лишь вспоминалъ
Немного счастья и радостныхъ мгновеній!
Я сталъ твоимъ рабомъ теперь,
Но радости я полонъ и покоя.
И въ человѣка прежній звѣрь,
Любя тебя, я превращенъ тобою *).

Но вы, можетъ быть, думаете, что греческіе кавалеры меньше уважали своихъ дамъ, чѣмъ христіанскіе? Правда, ихъ духовное подчиненіе дамамъ не было такъ безусловно, но я не привелъ греческихъ женщинъ вмѣсто шекспировскихъ только потому, что вамъ

---

*) Большинство приводимыхъ стихотвореній переведено Н. Н. Головановымъ.

труднѣе было бы слѣдовать за мной. Вспомните, однако, хотя такіе главные, идеальные типы человѣческой красоты и вѣрности, какъ Андромуху, съ ея простой сердечностью матери и жены, Кассандру, съ ея божественной, но отвергнутой мудростью, счастливую Навзикаю, игриво-добрую среди простой царской жизни, домовито-спокойную Пенелопу, не спускавшую глазъ съ моря, и вѣчно терпѣливую, безстрашную, безнадежную Антигону, съ ея горячей преданностью сестры и дочери; Ифигенію, склоняющуюся безгласно, подобно агнцу, и, наконецъ, вспомните ожиданіе воскресенія, ясно представлявшееся грекамъ въ аллегоріи Алькесты, возвратившейся изъ гроба послѣ того, какъ она, чтобы спасти своего мужа, спокойно извѣдала всю горечь смерти.

62. Теперь я могъ бы бесконечно умножить свидѣтельства этого рода, еслибы у меня было время. Я взялъ бы Чаусера и показалъ вамъ, почему онъ написалъ легенду о „Доброй женщинѣ“, а не о добромъ мужчинѣ. Я взялъ бы Спенсера и показалъ вамъ, какъ всѣ его волшебные рыцари часто вводятся въ обманъ и иногда побѣждаются, а душа Уны никогда не омрачается, и копье Бритомарты остается ненадломленнымъ. Мало того, я могъ бы обратиться къ миѳическимъ ученіямъ самыхъ древнихъ временъ и показать вамъ, какъ великій египетскій народъ, — королевской дочерью котораго, а не своими единоплеменниками воспитанъ былъ законодатель всей земли, — какъ этотъ народъ, мудрѣйшій изъ всѣхъ, придавалъ духу мудрости образъ женщины, влагая, какъ символъ, въ руку ей челнокъ; далѣе, какъ имя и образъ этого духа, перейдя къ грекамъ, сталъ той Аѳиной — съ оливковой вѣтвью, вмѣсто скипетра, и съ грознымъ щитомъ вѣры, — которой мы по сіе время обязаны всѣмъ драгоцѣннѣйшимъ въ искусствѣ, литературѣ и въ типахъ національной добродѣтели.

63. Но я не хочу блуждать по этимъ отдаленнымъ и миѳическимъ областямъ, а только попрошу васъ придать должное значеніе свидѣтельству великихъ поэтовъ и людей, которые, какъ видите, единодушны по этому вопросу. Позвольте спросить васъ, возможно ли предполагать, чтобы эти люди въ главномъ дѣлѣ ихъ жизни забавлялись праздными и ложными фантазіями объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, и не только праздными и ложными, но и вредными, потому что воображаемая картина мо-

жетъ быть и желательной при возможности ея осуществленія? Этотъ же ихъ идеаль женщины является вполне нежелательнымъ съ точки зрѣнія нашихъ общепринятыхъ взглядовъ на супружескія отношенія. Мы часто говоримъ, что не только женщина не должна руководить, но даже и не должна думать самостоятельно. Мужчинѣ всегда суждено быть мудрѣйшимъ, всегда быть мыслителемъ, руководителемъ, представителемъ знанія, благоразумія и силы.

64. Однако, далеко не бесполезно вдуматься въ вопросъ о томъ, ошибаются-ли все эти великіе люди, или мы? Рисуется-ли намъ Шекспиры, Эсхилы, Данте и Гомеры просто разукрашенные ими фантастическіе образы, или даже не образы, а неестественные призраки, которые, осуществившись въ жизни, внесли бы разладъ въ наши домашнія отношенія и порвали бы все наши привязанности? Если вы можете это предположить, то обратитесь къ свидѣтельству исторіи. Во все христіанскіе вѣка, отличавшіеся чистотой нравовъ и прогрессомъ, всегда господствовали абсолютная покорность и почтительное благоговѣніе влюбленныхъ къ дамамъ ихъ сердца. Я говорю „покорность,“ т.-е. не только восторженное обожаніе и поклоненіе въ воображеніи, но и полное послушаніе въ дѣйствительности: мужчина не только получалъ отъ любимой женщины, какъ бы послѣдняя ни была молода, поощреніе, похвалу и награду за трудъ, но при каждомъ выборѣ, въ каждомъ затруднительномъ вопросѣ обращался къ ней за разрѣшеніемъ и наставленіемъ. Злоупотребленіямъ и извращенію рыцарства приписывается все жестокое въ войнахъ, все несправедливое во время мира и все порочное и неблагородное въ домашнихъ отношеніяхъ, а его первоначальной мощи и чистотѣ мы обязаны защитой вѣры, закона и любви. И это рыцарство, повторяю, первой основой честной жизни призывало подчиненіе молодого рыцаря даже капризнымъ велѣніямъ своей дамы.

Оно признавало это потому, что его учителя знали, что первый и необходимый импульсъ каждаго честнаго рыцарскаго сердца есть слѣпое служеніе женщинѣ; что, гдѣ нѣтъ истинной преданности и плѣненія, должны проявляться все мрачныя и дикія страсти, и что въ этомъ восхитительномъ повиновеніи единственной своей юношеской любви заключается освященіе силы каждаго мужчины и успѣхъ всехъ его предначертаній. И это

не потому, что такое повиновеніе было бы хорошо или почетно, еслибы оказывалось недостойной, а потому, что каждому благородному юношѣ при правильномъ воспитаніи дѣйствительно невозможно любить ту женщину, кроткому совѣту которой онъ не сталъ бы довѣрять, и приказанію которой, полному мольбы, онъ колебался бы повиноваться.

65. Я не стану приводить дальнѣйшихъ доводовъ въ подтвержденіе этого положенія, которое, надѣюсь, вполне согласно съ вашимъ знаніемъ дѣйствительности и съ вашимъ пониманіемъ того, что должно быть. Вы не можете думать, что женщина вручала щить чисто по капризу романтизма. Нѣтъ, въ этомъ заключался первообразъ вѣчной истины, гласящей, что броня души никогда хорошо не прилегаетъ къ сердцу, если не укрѣплена рукой женщины, и что, когда рука эта слабѣетъ, честь мужчины омрачается. Знаете ли вы эти прелестныя строки, которыя мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ англійскія дѣвушки заучили наизусть?

Онѣ, сердца плѣняя и умы,
Властны цѣнить свои дары и силы.
Нѣтъ выбора для насъ—безъ торга платимъ мы.
Зачѣмъ же рай онѣ продешевили?
Зачѣмъ имъ портить хлѣбъ, зачѣмъ вино губить?
Вѣдь, если-бъ правильно всѣ эти оцѣнить
Безцѣнные дары,—то сдѣлаться-бы могъ
Изъ звѣря человѣкъ, изъ человѣка богъ. *)

66. Вы, полагаю, признаете такія отношенія правильными между влюбленными, но слишкомъ часто сомнѣваетесь, чтобы они были желательны въ теченіе всей человѣческой жизни между мужемъ и женой. Другими словами, мы считаемъ, что должно почтительно и нѣжно относиться къ той, въ чьей любви мы еще сомнѣваемся, и характеръ которой мы мало знаемъ, и что это совершенно излишне, когда привязанность стала вполне и безгранично нашей, а характеръ до того изученъ, что мы не боимся ввѣрить ему счастье всей нашей жизни. Но развѣ вы не видите, какъ это неблагородно и даже неразумно? Развѣ вы не чувствуете, что бракъ—

---

*) Ковентри Патморъ. Читать его можно всегда съ наслажденіемъ и вниманіемъ; насколько я знаю, изъ всѣхъ живущихъ поэтовъ онъ одинъ придаетъ намъ энергію, ясность и чистоту, остальные иногда омрачаютъ и почти всегда угнетаютъ, разочаровываютъ, хотя и плѣняютъ воображеніе.

истинный бракъ — есть только печать, закрѣпляющая переходъ отъ временнаго къ постоянному служенію и отъ порывистой къ вѣчной любви?

67. Какъ же, однако, примирить, спросите вы, руководящую роль женщины съ ея истинно-женской подчиненностью? Все дѣло въ томъ, что роль ея руководящая, но не опредѣляющая. Позвольте мнѣ попытаться кратко показать вамъ это различіе.

Мы безумны, непростительно безумны, когда говоримъ о превосходствѣ одного пола надъ другимъ, какъ будто можно сравнивать въ нихъ одни и тѣ же свойства. Нѣтъ, одинъ обладаетъ тѣмъ, чего недостаетъ другому, и они взаимно восполняются. Они ни въ чемъ не тождественны, и счастье и совершенство ихъ зависятъ отъ того, что они желаютъ и получаютъ другъ отъ друга только то, что каждый изъ нихъ исключительно можетъ дать.

68. Отличительныя свойства ихъ различій въ немногихъ словахъ можно охарактеризовать такъ. Сила мужчины активная, прогрессивная, охранительная. Онъ по преимуществу дѣятель, изобрѣтатель, защитникъ. Его умъ спекулятивный; его энергія сказывается въ предпріятіяхъ, въ войнахъ и завоеваніяхъ, поскольку война справедлива и завоеванія необходимы. Но сила женщины въ управленіи, а не въ борьбѣ, и ея умъ созданъ не для изобрѣтеній и не для творчества, а для водворенія порядка, правильнаго устроенія и для справедливаго суда. Она понимаетъ всѣ свойства вещей, ихъ значеніе и мѣсто. Ея великое назначеніе—это правильная оцѣнка; она не вступаетъ ни въ какія состязанія, но непогрѣшимо присуждаетъ вѣнки достойнымъ. По своимъ обязанностямъ и по своему положенію она защищена отъ опасностей и искушеній. Мужчина, при его грубой работѣ въ мірѣ, неизбежно встрѣчается со всевозможными опасностями и искушеніями, поэтому на его долю выпадаютъ ошибки, оскорбленія и неизбежныя заблужденія; часто ему приходится быть раненымъ, побѣжденнымъ, часто сбиваться съ пути и всегда грубѣть. Но отъ всего этого онъ охраняетъ женщину; въ его домъ, управляемый ею, не должно,—если она сама того не пожелаетъ,—проникать никакого искушенія, никакой опасности, никакого повода къ заблужденію или оскорбленію.

Домъ, по самой природѣ своей, предназначенъ быть мѣстомъ мира, защитой не только отъ всякаго оскорбленія, но и отъ страха, сомнѣнія и разъединенія. Если эти условія отсутствуютъ, то домъ

перестаетъ быть домо́мъ. Какъ только тревоженія ви́шней жизни проникають въ него, и несогласно мыслящее, незнакомое, нелюбимое или неприятное общество изъ ви́шняго міра, по желанію мужа или жены, переступаетъ порогъ этого жилища, оно перестаетъ быть домо́мъ и становится только частью ви́шняго міра, прикрытою кровлей и согрѣваемой. Если же оно—священное мѣсто, храмъ весталокъ, храмъ сердца, охраняемый домашними богами, передъ лицомъ которыхъ могутъ предстать только люди, принимаемые съ любовью, то оно вполне достойно имени дома, выполняетъ свое назначеніе, и его кровля и огонь являются символами болѣе благороднаго крова и огня, какъ бы сѣнью скалы въ пустынной странѣ и свѣта маяка въ бурномъ морѣ.

И всюду, гдѣ есть вѣрная, истинная жена, всегда есть и такой домъ; кровлей ему можетъ служить только звѣздное небо, огнемъ—свѣтлячки у ногъ женщины, но если есть женщина, то онъ лучше всякаго дома, высланнаго кедромъ и выкрашеннаго пурпуромъ, далеко вокругъ разливаешь свой свѣтъ и раскидываетъ свою сѣнь для всѣхъ обездоленныхъ и безпріютныхъ.

69. Таково, я думаю, истинное могущество и назначеніе женщины. Согласны-ли вы? Но замѣтите: чтобы имѣть возможность ихъ выполнить, женщина должна, насколько это мыслимо для человѣческаго существа, быть чужда заблужденій. Поскольку она управляетъ, все должно быть правильно. Она должна быть постоянно, неизмѣнно добра; инстинктивно и непогрѣшимо мудра; мудра не для того, чтобы господствовать надъ мужемъ, но чтобы никогда не отступать, идя рядомъ съ нимъ; мудра не узкой, наглою и чертвой гордостью, но страстной добротой и безконечно разнообразной женственной скромностью. Въ этомъ глубокомъ смыслѣ она „*La donna è mobile*“, а не „*Qual riu'm'al vento*“, не „измѣнчива, какъ тѣнь листьевъ трепещущей осины“, но разнообразна, какъ яркіе цвѣта призмы, воспринимающей лучи, падающіе на нее отъ всѣхъ предметовъ, и ясно преломляющей ихъ.

70. Я старался до сихъ поръ показать вамъ положеніе и власть женщины. Теперь намъ предстоитъ рассмотретьъ, въ чемъ должно состоять пригодное для этого воспитаніе.

Если вы дѣйствительно считаете, что нашъ взглядъ на задачу и достоинство женщины правиленъ, то не трудно начертать планъ соотвѣтствующаго воспитанія.

Первая наша обязанность по отношенію къ женщинѣ, — въ чемъ никто изъ серьезнодумающихъ не можетъ сомнѣваться—состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить ей физическое воспитаніе, содѣйствующее развитію и укрѣпленію ея здоровья и усовершенствованію ея красоты. Высшее развитіе этой красоты недостижимо безъ блестящей дѣятельности и мощной силы нѣжности. Да, нужно усовершенствовать ея красоту и увеличить ея могущество, иначе она не можетъ быть слишкомъ могущественна или слишкомъ далеко разливать свой священный свѣтъ; только помните, что физическая красота немислима безъ соотвѣтствующей духовной. Въ двухъ отрывкахъ нашего поэта, отличающагося отъ остальныхъ не столько силой, сколько необыкновенной прямою, мы встрѣчаемъ въ немногихъ словахъ характеристику источника и совершенства женской красоты. Я прочту вамъ одно введеніе и попрошу васъ обратить особенное вниманіе на предпоследній стихъ:

Ей минуло три года, и сказала природа:
 „Нѣтъ! цвѣтчиковъ нѣжныхъ не найду на землѣ я,
 Не найду я такихъ, какъ она.
 Въ теплыхъ нѣдрахъ моихъ материнскихъ объятій
 Возращу я ее, буду всѣмъ для дитяти,
 И она вся моя быть должна.
 Буду ей я врожденнымъ, неизмѣннымъ закономъ,
 Мысли, страсти, порывы сочетая счастливо
 Въ лучезарное здѣсь бытіе.
 И пусть то, что ей зримо, беззавѣтно любимо,
 Всемогуществомъ дышетъ, для насъ невидимо,
 Измѣнно хранящимъ ее.
 Жизнь въ былинкахъ земныхъ и въ синѣющихъ тучахъ,
 Шелестъ травъ и дыханье цвѣтчиковъ пахучихъ
 Будутъ близки и родственны ей.
 Даже бури и грозы въ ея дѣвичьи грезы
 Теплой лаской привѣтно отразятъ незамѣтно
 Красоты отпечатокъ своей.
 Упоить ее надо живымъ чувствомъ отрады,
 Что не вѣдаютъ люди! Этой дѣвственной груди
 Надо полное счастье открыть.
 Вотъ какую живую, всѣхъ блаженствъ полнотою
 Я ее одарю, окружу; такъ устрою,
 Чтобъ могла она счастливою быть.

Замѣтите это, „живое чувство отрады“; есть и мертвяція чувства, но естественныя жизненныя, необходимы для самой жизни.

И они должны быть чувствами отрады, чтобы быть жизненными. Не думайте, что дѣвушка можетъ быть прелестна, если вы не дадите ей счастья. Малѣйшія стѣсненія въ проявленіи ея инстинктовъ сочувствія или въ ея дѣятельности неизгладимо отражаются на ея лицѣ и тѣмъ болѣе мучительно рѣзко, что отъ этого меркнетъ чистота ея невинныхъ взоровъ и очарованіе ея чистаго чела.

71. Возьмите теперь у того же поэта двѣ строки, въ которыхъ заключается самое совершенное описаніе женской красоты:

Ея лицо дышало сочетаньемъ
Воспоминаній сладкихъ и надеждъ.

Самая совершенная прелесть женскаго лица заключается въ величественномъ спокойствіи при воспоминаніи о счастливо и полезно прожитыхъ дняхъ, полныхъ сладостныхъ мгновений, и отъ соединенія этихъ воспоминаній съ величественнымъ дѣтствомъ, столь полнымъ разныхъ перемѣнъ и обѣщаній, всегда безхитростнымъ скромнымъ и богатымъ надеждами на лучшее будущее, надеждами не только на большее счастье для себя, но и на возможность самой внести въ міръ больше счастья. И пока эта надежда еще живетъ въ груди, старость не настала.

72. Итакъ, вамъ прежде всего нужно постараться о физическомъ развитіи дѣвушки и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ силы ея будутъ крѣпнуть, наполнять ея умъ всѣми знаніями и мыслями, ведущими къ развитію естественныхъ инстинктовъ справедливости, изощряя ея природный даръ любви. Всѣ эти знанія помогутъ ей понять трудъ мужчинъ и даже содѣйствовать ему, но они даются ей не какъ предметъ, интересный самъ по себѣ, а какъ средство развитія чувствъ и справедливаго сужденія. Знаніе, какъ предметъ гордости и самосовершенствованія, имѣетъ очень мало значенія, и не важно, знаетъ-ли она много языковъ или одинъ, но очень важно, чтобы она была добра къ страннику и понимала всю сладость его рѣчи. Не важно, знакома-ли женщина съ той или другой наукой, но въ высшей степени важно, чтобы она была приучена къ строгому мышленію, чтобы понимала значеніе, неизбѣжность и всю прелесть естественныхъ законовъ и слѣдовала по пути хотя нѣкоторыхъ отраслей знанія до предѣловъ той горькой Долины Смиренія, въ которую могутъ нисходить только самые смѣлые и мудрые муж-

чины, сознавая себя навсегда дѣтьми и собирая голыши по безграничному побережью.

Не важно, мѣстоположеніе сколькихъ городовъ, какую массу хронологическихъ чиселъ, какой перечень событій и сколько именъ знаменитыхъ людей знаетъ женщина: задача воспитанія не въ томъ, чтобы обратить ее въ ходячій энциклопедическій словарь, но глубоко необходимо, чтобы она научилась вникать въ тѣ событія, о которыхъ она читаетъ, живо рисовать ихъ въ своемъ воображеніи, понимать своей чуткой душой трогательность событій и всѣ драматическія отношенія, которыя историки слишкомъ часто ступшевываютъ своими разсужденіями и несвязностью изложенія.

Ея задача—прослѣдить скрытый путь божественнаго правосудія и во мракѣ улозить роковыя и переплетающіяся нити неизбѣжнаго возмездія за всѣ ошибки и заблужденія. Но, главнымъ образомъ, она должна научиться расширять границы своей симпатіи къ тѣмъ моментамъ настоящаго, которые съ каждымъ мирнымъ ея дыханіемъ переходятъ въ область безвозвратнаго прошлаго, расширять границы своего состраданія къ современнымъ бѣдствіямъ, которыя, при чуткомъ отношеніи къ нимъ, болѣе не повторялись бы. Она должна постоянно упражнять свое воображеніе, рисуя себѣ картину того вліянія, какое на ея умъ и поведеніе имѣло бы соприкосновеніе съ страданіями, не менѣе реальными отъ того, что они скрыты отъ ея взоровъ. Она должна научиться понимать ничтожество того маленькаго міра, въ которомъ живетъ и любитъ, сравнительно съ тѣмъ безпредѣльнымъ міромъ, въ которомъ обитаетъ и любитъ Богъ, и благоговѣнно стремиться къ тому, чтобы любовь ея не ослабѣвала съ увеличеніемъ числа людей, на которыхъ она простирается, а молитва, возносимая ею за всѣхъ, лишенныхъ любящаго человѣка, т.-е. за всѣхъ обездоленныхъ и угнетенныхъ, была бы такъ же пламенна, какъ и та, которую она шепчетъ, прося облегченія случайныхъ страданій ея мужа или дѣтей.

73. До сихъ поръ, я надѣюсь, вы были согласны со мной, но, можетъ быть, я не встрѣчу вашего сочувствія по вопросу, который считаю наиболѣе нужнымъ выяснить вамъ. Есть одна наука, особенно опасная для женщинъ,—богословіе, и онѣ должны больше всего остерегаться нечестиво касаться ея. Странно и въ высшей степени печально, что женщины, настолько скромныя, что сомнѣ-

ваются въ своихъ силахъ и трепетно останавливаются у порога науки, каждый шагъ которой твердь и очевиденъ, готовы, ни мало не сомнѣваясь въ своей правоспособности, съ головой погружаться въ науку, передъ которой трепетали величайшіе люди, и по которой мудрѣйшіе изъ нихъ блуждали въ тщетныхъ поискахъ. Странно, что женщины самодовольно и гордо готовы связать всё свои безумія и пороки, все свое высокомеріе, дерзость и слѣпое непониманіе въ одинъ горькій пучекъ кервеля. Странно, что существа, созданныя для того чтобы быть олицетворенной любовью, готовы осуждать ближнихъ прежде всего за то, что они меньше всего могутъ знать, и думаютъ угодить Создателю, стремясь вползти по ступенямъ Его престола суда, чтобы раздѣлить его вмѣстѣ съ Нимъ. Но всего страннѣе, когда женщины думаютъ, что Духъ Утѣшитель приводитъ ихъ къ тому духовному настроенію, которое становится неизбежнымъ условіемъ домашнихъ раздоровъ и непріятностей, превращая домашнихъ ангеловъ-хранителей христіанства въ безобразныхъ идоловъ, въ духовныхъ истукановъ, которыхъ женщины наряжаютъ по собственной фантазіи, и отъ которыхъ ихъ мужья должны съ печальной грустью отвернуться, удерживаясь отъ желанія разбить ихъ лишь изъ опасенія услышать неистовые вопли женъ.

74. Я полагаю, что, за этимъ исключеніемъ, образованіе дѣвушекъ должно быть приблизительно такое же, какъ и мальчиковъ, какъ по ходу, такъ и матеріалу, но совершенно иначе направленное. Женщина на любой ступени общественной жизни должна знать то же, что и ея мужъ, только нѣсколько иначе. Его знаніе должно служить ему основаніемъ для дальнѣйшаго развитія, ея же должно быть болѣе общимъ и болѣе приспособленнымъ къ повседневному практическому примѣненію въ дѣлѣ пользы и помощи. Это не значитъ, что мужчинамъ часто не полезно ознакомиться съ науками такъ же, какъ и женщинамъ, т.-е. для немедленнаго примѣненія ихъ, стараясь дисциплинировать и развивать умственные силы въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя впослѣдствіи пригодятся имъ для ихъ общественнаго служенія; нѣтъ, я хочу сказать этимъ, что въ общемъ мужчины должны вполнѣ знакомиться съ изучаемыми ими языками и науками, тогда какъ женщина должна знать тѣ же языки и науки лишь настолько, насколько они помогаютъ ей раздѣлять радости мужа и его лучшихъ друзей.

75. Но замѣтите, что все ея знанія должны отличаться необыкновенной точностью. Существуетъ громадная разница между элементарнымъ и поверхностнымъ знаніемъ, между твердымъ началомъ знаній и безсильными попытками усвоить ихъ. Жена можетъ всегда помочь мужу тѣмъ, что она знаетъ, какъ бы эти знанія ни были ограничены; но то, что она знаетъ только на половину или не вѣрно, способно лишь вызвать въ немъ досаду.

И дѣйствительно, если должна быть какая-нибудь разница между воспитаніемъ дѣвушки и мальчика, то, по моему мнѣнію, она должна состоять въ томъ, чтобы воспитаніе дѣвушки по всемъ наиболее важнымъ и серьезнымъ вопросамъ начиналось раньше, такъ какъ интеллектъ ея раньше достигаетъ зрѣлости, и выборъ литературныхъ произведеній долженъ быть не менѣе, а болѣе строгъ, рассчитанъ на то, чтобы присоединить терпѣніе и серьезность къ ея природной проницательности ума и быстротѣ соображенія, а также, чтобы помочь ей всегда сохранять возвышенный и чистый образъ мыслей. Я не стану теперь разсматривать, какой подборъ книгъ долженъ быть для нея сдѣланъ, а только скажу, что его не слѣдуетъ дѣлать изъ числа книгъ, разбрасываемыхъ ходячей библиотекой и увлажненныхъ послѣдними мельчайшими брызгами фонтана безумія.

76. Или даже фонтана остроумія, такъ какъ при болѣзненномъ искушеніи по части чтенія повѣстей слѣдуетъ опасаться не столько дурныхъ, сколько черезчуръ интересныхъ. Самый плохой романъ не имѣетъ такого притупляющаго значенія, какъ худшіе образцы возбуждающей религіозной литературы, и не дѣйствуетъ такимъ развращающимъ образомъ, какъ ложныя историческія, философскія или политико-экономическія статьи. Но лучший романъ становится опасенъ, если, возбуждая фантазію, притупляетъ интересъ къ обычнымъ явленіямъ жизни и усиливаетъ болѣзненную жажду сценъ, въ которыхъ намъ не придется никогда принимать дѣятельнаго участія.

77. Поэтому я говорю только о хорошихъ повѣстяхъ, которыми наша современная литература особенно богата. При надлежащемъ чтеніи, книги эти безспорно полезны, являясь, въ сущности, тѣми глубокими трактатами по нравственной анатоміи и химіи, по которымъ можно изучать элементы человѣческой природы. Но я мало

придаю значенія этой сторонѣ повѣстей, потому что едва-ли кто читаетъ ихъ такъ серьезно, чтобы онѣ могли достигать этой цѣли. Самое большее, если онѣ нѣсколько усиливаютъ великодушіе доброй читательницы или горечь злой, такъ какъ каждая беретъ изъ повѣстей то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ ся характеру и наклонностямъ. Чтеніе Теккерера вызоветъ у гордыхъ и завистливыхъ еще большее презрѣніе къ человѣчеству, у добрыхъ по природѣ сожалѣніе, а у пустыхъ только смѣхъ. Беллетристическія произведенія обладаютъ безспорной заслугой ярко и живо обрисовывать передъ нами извѣстныя человѣческія истины, которыя мы до тѣхъ поръ только смутно сознавали, но искушеніе къ рисовкѣ и картинности изложенія такъ велико, что даже лучшіе писатели-художники не въ силахъ противостоятъ ему, и наши взгляды становятся такъ жестоки и односторонни, что жизненность повѣстей скорѣе вредна, чѣмъ полезна.

78. Не рѣшаясь подробно разсматривать, насколько чтеніе беллетристическихъ произведеній желательно, я позволю себѣ опредѣлено высказать только одно: при выборѣ повѣстей, стихотвореній и историческихъ разсказовъ слѣдуетъ руководиться не отсутствіемъ въ нихъ вредныхъ сторонъ, а присутствіемъ хорошихъ. Случайное зло, скрытое или явное, разбросанное въ сильнымъ произведеніи, никогда не вредитъ благородной дѣвушкѣ, но пустота автора часто угнетаетъ, а его слащавая глупость унижаетъ ее. Если же она имѣетъ доступъ къ хорошей библіотекѣ старыхъ классическихъ произведеній, то тутъ никакого выбора не нужно; стоитъ только избавить ее отъ современныхъ журналовъ и новеллъ и затѣмъ предоставить ей въ любой ненастный день рыться во всѣхъ книгахъ. Она сама найдетъ подходящую для себя умственную пищу и притомъ такъ, какъ вы не въ силахъ сдѣлать это за нее, потому что въ томъ и заключается существенная разница между развитіемъ характера дѣвочки и мальчика, что послѣдняго вы можете вылить въ извѣстную форму, какъ бронзу, или отшлифовать, какъ гранитъ, что невыселимо по отношенію къ дѣвочкѣ. Она растетъ, подобно цвѣтку, вянетъ безъ солнца, блекнетъ подобно нарциссу безъ достаточнаго притока воздуха; она можетъ пасть и загрязнить лицо въ пыли, если вы оставите ее безъ помощи въ извѣстные моменты жизни, но вы не въ силахъ сковать ее; она должна всегда свободно развиваться и тѣлесно, и духовно.

„Всѣ ея движенія должны быть независимы, а шаги—дышать дѣвственной свободой“.

Пусть она свободно распоряжается въ библіотекѣ, какъ лань въ полѣ. Она въ двадцать разъ лучше васъ знаетъ, какія травы вредны и какія здоровы, и, навѣрное, съѣстъ нѣсколько горькихъ и колючихъ, чего вы никоимъ образомъ не предложили бы ей.

79. Затѣмъ въ искусствѣ держите всегда передъ ней самые прекрасные, художественные образцы, и пусть она практически совершенствуется въ достиженіи точности и основательности, понимая больше, чѣмъ можетъ выполнить. Я говорю „прекрасные“, т.-е. самые вѣрные, простые, полезные. Затѣйте эти опредѣленія: они примѣнимы ко всѣмъ искусствамъ. Справедливы они и въ музыкѣ, гдѣ можно было бы считать ихъ наименѣе подходящими: самые вѣрные образцы, т.-е. тѣ, въ которыхъ ноты наиболѣе близко и вѣрно передаютъ значеніе соотвѣтствующихъ словъ или характеръ ощущеній и чувствъ, затѣмъ самые простые, т.-е. тѣ, въ которыхъ все выражается возможно меньшимъ количествомъ наиболѣе выразительныхъ нотъ, и, наконецъ, наиболѣе полезные, т.-е. такая музыка, которая придаетъ наилучшимъ словамъ наибольшую красоты, запечатлѣвая ихъ въ нашей памяти со всѣмъ величіемъ ихъ звуковъ такъ, чтобы они были ближе нашему сердцу въ тѣ минуты, когда мы наиболѣе въ нихъ нуждаемся.

80. Воспитаніе дѣвушекъ не только относительно предметовъ и хода обученія, но еще больше по самому духу должно быть такъ же серьезно, какъ и воспитаніе юношей. Вы же воспитываете ихъ, какъ будто предназначая служить только украшеніемъ вашихъ гостинныхъ, и затѣмъ жалуетесь на ихъ пустоту. Но предоставьте имъ тѣ же преимущества, какъ и ихъ братьямъ, обращайтесь къ тѣмъ же въ нихъ великимъ инстинктамъ добра, учите и ихъ, что мужество и правдивость составляютъ основы ихъ существованія. Неужели вы думаете, что онѣ не откликнутся на этотъ призывъ, мужественныя и правдивыя даже теперь, когда, какъ вы знаете, едва-ли въ нашемъ христіанскомъ государствѣ найдется хоть одна школа, въ которой мужество и искренность считались бы на половину столь же важными, какъ умѣнье прилично войти въ комнату, когда вся система воспитанія по отношенію къ общественной роли женщины является чумной заразой малодушія и

лживости въ силу того, что и жить, и любить имъ позволяется не такъ, какъ онѣ хотятъ, а какъ считаютъ приличнымъ ихъ сосѣдки? Да, мы, для удовлетворенія нашей гордости, стараемся ослѣпить взоры дѣвушекъ полнымъ блескомъ самаго худшаго свѣтскаго тщеславія именно въ то время, когда все счастье ихъ будущей жизни зависитъ отъ того, чтобы онѣ ничѣмъ не ослѣплялись.

81. Дайте имъ, наконецъ, не только благородное воспитаніе, но и благородныхъ учителей. Прежде чѣмъ послать мальчика въ школу, вы узнаете, что за человѣкъ его учитель, и только въ томъ случаѣ, если онъ оказывается вполне хорошимъ человѣкомъ, вы предоставляете ему власть надъ вашимъ сыномъ, и сами относитесь къ нему съ уваженіемъ. Когда онъ является къ вамъ на обѣдъ, вы не рѣшитесь посадить его за задній столъ, и также отлично знаете, что непосредственный наставникъ вашего сына находится подъ руководствомъ какого-нибудь инспектора или директора, къ которому вы питаете полное почтеніе. Вы не обращаетесь съ деканомъ Кривъ Чёрча или съ директоромъ Тринити колледжа, какъ съ людьми, стоящими ниже васъ.

Но какихъ наставницъ даете вы вашимъ дочерямъ, и какое уваженіе оказываете вы избраннымъ вами руководительницамъ? Развѣ дѣвочка не станетъ придавать ничтожное значеніе и своему поведенію, и уму при видѣ того, что вы вѣряете образованіе ея характера, развитіе ея нравственности и ума особѣ, которую вы позволяете вашей прислугѣ третировать съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ вашего ключника (какъ будто забота о душѣ вашего ребенка имѣетъ меньше значенія чѣмъ бдительный надзоръ за вашими кладовыми), и, позволяя ей провести вечерокъ въ вашей гостинной, считаете это за особенную, оказанную вами ей честь?

82. Это относительно вліянія литературы и искусства. Но еще болѣе могущественное значеніе имѣютъ дивныя красоты дикой, чудной природы, которыя иногда дѣйствовали благотворнѣе и литературы, и искусства. Вотъ, напр., что мы читаемъ относительно воспитанія Жанны д'Аркъ:

„Воспитаніе этой бѣдной дѣвушки было очень жалкое съ нашей современной точки зрѣнія, но съ болѣе философской оно было

безусловно возвышенное, и непригодное для нашего вѣка только потому, что недоступно намъ.

„Вслѣдъ за духовными природными преимуществами она больше всего обязана преимуществамъ, предоставленнымъ ей ея положеніемъ и обстановкой. Деревня Домреми находилась на краю безконечнаго лѣса, и тутъ же имѣлся ключъ, до такой степени излюбленный феями, что мѣстный священникъ, для укрощенія ихъ, считалъ нужнымъ ежегодно служить тамъ обѣдню.

„Лѣса Домреми составляли славу всей мѣстности: въ нихъ обитали таинственные духи, и находились древнія и скрытыя сокровища, имѣвшія обаятельное вліяніе. Тутъ были аббатства, а въ аббатствахъ бойницы, имѣвшія громадное вліяніе и въ Турени, и на германскихъ сеймахъ. Въ этихъ аббатствахъ были чудные колокола, звонъ которыхъ раздавался по лѣсу на нѣсколько миль кругомъ въ часы угренняго и вечераго богослуженія, и о нихъ ходили фантастическія легенды. Аббатствъ этихъ было не много, и они были разбросаны такъ, что не нарушали глубокой пустынности этой мѣстности, но все же ихъ было достаточно для того, чтобъ придать ей ту тѣнь святости, безъ которой ее легко было бы принять за языческую пустыню“*).

Конечно, немислимо теперь найти здѣсь, въ Англии, лѣсъ въ нѣсколько сотъ миль въ окружности, но все же, при желаніи, можно было бы, вѣроятно, сохранить для вашихъ дѣтей двухъ или трехъ фей. Однако, желаете ли вы этого? Предположите, что у каждаго изъ васъ при домѣ есть садикъ, достаточно обширный для того, чтобы дѣти ваши могли въ немъ гулять, и лужайка, по которой они могли бы бѣгать. Представьте себѣ дальше, что вы не имѣете возможности перемѣнить своего мѣстожителства, но, если пожелаете, можете удвоить или учетверить вашъ доходъ, вырывъ угольную шахту посрединѣ лужайки и превративъ цвѣтники въ кучи угля. Сдѣлали-ли бы вы это? Думаю, что нѣтъ, и могу смѣло сказать, что, поступивъ такъ, вы были бы въ высшей степени неправы, даже еслибы вашъ доходъ увеличился не въ четыре, а въ шестьдесятъ четыре раза.

83. Между тѣмъ вы именно такъ поступаете съ Англійей.

---

*)Жанна д'Аркъ въ „Исторіи Франціи“ Мишле.

Вся эта страна есть небольшой садикъ, достаточно обширный только для того, чтобъ ваши дѣти могли рѣзвиться на его лужайкахъ, еслибы всѣмъ позволено было ими пользоваться. И этотъ маленькій садикъ вы хотите обратить въ доменную печь и наполнить грудами золы. Но за то и будутъ страдать ваши дѣти, а не вы: вѣдь не всѣ феи будутъ изгнаны; есть феи и доменныхъ печей, какъ и лѣсовъ, и ихъ первый даръ „острыя стрѣлы“, а послѣдній „можжевеловые угли“.

84. Какъ ни сильно я самъ проникнуть этой мыслью, тѣмъ не менѣе чувствую, что не въ состояннн достаточно ясно запечатлѣть ее въ вашемъ сердцѣ: мы вѣдь такъ мало пользовались естественными дарами природы, когда обладали ими, что едва-ли въ состояннн вполне почувствовать все значеніе нашихъ лишеній. Какъ разъ по сторону Мерсея (Mersey) вы имѣете вапцъ Снодонъ, ваши Менайскія ущелья и мощную гранитную скалу за Англійскими болотами, блестящую своей вересковой вершиной и основаніемъ, погруженнымъ въ глубину моря, и нѣкогда считаемую священной, съ божественнымъ мысомъ, обращеннымъ на западъ и все еще внушающимъ благоговѣйное чувство, когда его красноватый блескъ сіяетъ во время грозы. Таковы наши холмы, бухты и синіе заливы, которые у грековъ всегда пользовались бы любовью, неизмѣнно имѣя вліяніе на національный духъ. Этотъ Снодонъ—вашъ Парнасъ; но гдѣ же музы? Этотъ священный мысъ—вашъ островъ Эгины; но гдѣ же его храмъ Минервы?

85. Не желаете-ли вы послушать, чего достигла христіанская Минерва или Мудрость подъ тѣнью нашего Парнаса въ 1848 году? Вотъ краткій отчетъ одной уэльской школы, помѣщенный на 261 стр. донесенія, сдѣланнаго комитетомъ совѣта по вопросамъ о народномъ образованнн. Школа эта примыкаетъ къ городу съ 5,000 жителей.

„Я вызвалъ болѣе многолюдный классъ; большинство ученицъ его только что поступило въ школу. Три дѣвочки нѣсколько разъ повторили, что никогда не слышали ничего о Христв, а двѣ—о Богѣ. Двѣ изъ шести думали, что Христосъ и по сіе время находится на землѣ (онѣ могли бы, чего добраго, думать и вѣчто худшее), три же ничего не знали о томъ, что Онъ былъ распятъ. Четыре изъ семи не знали названій мѣсяцевъ и числа дней въ году; онѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія объ умноженнн и едва знали, сколько составляетъ 2×2 и 3×3 “.

О, вы, женщины Англии, начиная съ принцессъ и кончая самими простыми смертными! не думайте, что ваши дѣти могутъ обрѣсти гдѣ либо истинное мѣсто покоя, пока громадная масса дѣтей народа бродятъ по скаламъ, какъ овцы безъ пастыря! Не думайте, что ваши дочери могутъ достигъ всей истинной красоты ихъ чело-вѣческой природы въ то время, какъ чудные уголки, созданные Богомъ, чтобы служить имъ школой и мѣстомъ для игръ, лежатъ пустынными и оскверненными! Вы не можете правильно крестить ихъ въ вашихъ купеляхъ глубиною въ дюймъ, если вы вмѣстѣ съ тѣмъ не окрестите ихъ въ тѣхъ прелестныхъ водахъ, которыя великій Законодатель заставляетъ сбѣгать со всѣхъ скалъ вашей родной страны, —волахъ, которыя язычники чтили бы во всей чистотѣ, а вы чтите тѣмъ, что засоряете вашими отбросами. Вы не можете заставитьъ вашихъ дѣтей съ должнымъ благоговѣніемъ приближаться къ церковнымъ алтарямъ, воздвигаемымъ чело-вѣческими руками, пока темно-лазуревые алтари въ небѣ—горы, поддерживающія престолъ нашего острова, въ каждомъ вѣнчающемъ облакѣ которыхъ язычники видѣли бы могущество небесныхъ силъ,—пока эти алтари, воздвигнутые не для невѣдомаго Бога, а самимъ Имъ, ничего не говорятъ намъ объ Его величіи.

86. Выяснивъ характеръ женщины, необходимое для нея образованіе, ея роль въ домѣ и ея царственное величіе, мы дошли до послѣдняго и самаго важнаго вопроса — относительно ея царственной задачи по отношенію къ обществу или государству.

Мы обыкновенно думаемъ, что обязанности у мужчинъ общественныя, а у женщинъ домашнія. Но это не вѣрно. У мужчинъ есть личныя дѣла или обязанности по отношенію къ его дому и общественныя дѣла или обязанности по отношенію къ государству, являющіяся расширеніемъ сферы первыхъ. Точно также и у женщины есть личныя домашнія обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расширеніе ихъ сферы, обязанности общественныя.

Мы уже говорили, что обязанности мужчины по отношенію къ его дому состоятъ въ томъ, чтобы обезпечивать его существованіе, содѣйствовать его успѣху и защищать его, а женщина должна вносить въ него порядокъ, миръ и отраду. Расширьте обѣ эти функціи. Обязанности мужчины, какъ члена общества, будутъ состоятъ въ томъ, чтобы участвовать въ обезпеченіи существованія,

прогресса и безопасности общества; обязанности же женщины, как члена общества, будутъ заключаются въ томъ, чтобы вносить въ него порядокъ, миръ и отраду.

Какъ мужчина у вратъ своего собственнаго дома, въ случаѣ надобности, готовъ защищать его отъ оскорбленій и нападеній, такъ въ еще большей мѣрѣ, съ большей самоотверженностью онъ долженъ охранять свою страну, покидая для этого, если нужно, свой собственный домъ, жертвуя имъ для болѣе важнаго дѣла. И женщина, являясь въ домѣ центромъ порядка, утѣшеніемъ въ бѣдствіяхъ и зеркаломъ красоты, должна и внѣ своего дома служить тѣмъ же центромъ въ обществѣ, гдѣ порядокъ болѣе труденъ, бѣдствія болѣе ужасны и добрыя, любовныя отношенія болѣе рѣдки.

Въ сердцѣ человѣка вложены влеченія ко всѣмъ его дѣйствительнымъ обязанностямъ,—влеченія, которыя нельзя искоренить, а можно подавить и исказить, отклоняя ихъ отъ истиннаго назначенія. Такъ, въ человѣкѣ всегда существуетъ мощное влеченіе къ любви; правильно развитое, оно поддерживаетъ, а ложно направленное, подтачиваетъ все святое въ жизни, но, неизбѣжно, оно вліяетъ такъ или иначе. Точно также въ человѣческое сердце вложена неискореняемая любовь къ власти; правильно направленная, она поддерживаетъ все величіе жизни, а ложно направленная губитъ его

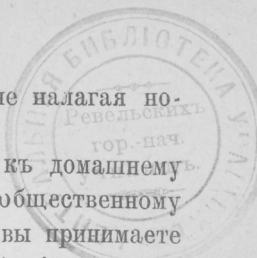
87. Глубоко вложена эта любовь въ святую святыхъ сердца какъ мужчины, такъ и женщины, вложена самимъ Богомъ и Имъ охраняется. Тщетно и несправедливо было бы осуждать и порицать эту жажду власти. Ради Бога и человѣка, желайте ея возможно больше. Но какой власти? Въ этомъ весь вопросъ. Власти разрушать? Власти пасти льва или дыханія дракона? Нѣтъ; власти исцѣлять, освобождать, руководить и охранять; власти скипетра и щита; власти царственной руки, исцѣляющей своимъ прикосновеніемъ, парализующей зло и освобождающей узниковъ; власти престола справедливости, воздвигнутаго на скалѣ, взобраться на которую можно только по ступенямъ Милосердія. Развѣ вы не желали бы такой власти, не добивались бы такого престола и не предпочли бы стать не хозяевами дома, а такими царицами?

88. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ женщины Англіи требовали себѣ титулъ, принадлежащій только лицамъ

благороднаго происхожденія: прежде ихъ обыкновенно называли джентльуимень—барынями, въ соотвѣтствіи съ мужскимъ именемъ джентельмечъ, т.-е. баринъ, но онѣ настояли на привилегіи называться господами—лэди, отъ слова лордъ—Господь и господинъ *). Я осуждаю ихъ не за титулъ, а за мелочныя побужденія, и хотѣлъ бы, чтобы онѣ желали и домогались его не ради его самого, а ради того долга и тѣхъ обязанностей, которые налагаются имъ. Слово господа означаетъ „подательница хлѣба“, а господинъ — „охранитель законовъ“, и оба титула относятся не къ охраняемому закону и не къ хлѣбу, раздаваемому дома, но къ закону и хлѣбу для всѣхъ; такъ что господинъ имѣетъ законное право на этотъ титулъ, лишь поскольку онъ охраняетъ справедливость Господа господъ, а господа—поскольку она, подобно Господу, преломляетъ свой хлѣбъ со всѣми въ братской трапезѣ, оказывая такую помощь всѣмъ бѣднякамъ, о которыхъ Христосъ сказалъ, что кто „накормитъ ихъ, накормитъ Его“.

89. И такое благотворное и законное господство, такая власть господина, или хозяина дома, и госпожи, или хозяйки дома, велики и почетны не по количеству предковъ ихъ родословнаго дерева, а по количеству тѣхъ, на кого распространяется ихъ вліяніе: всюду, гдѣ власть основана на исполненіи священныхъ обязанностей, и честолюбіе соотвѣтствуетъ благотворному вліянію власти, послѣдняя пользуется почетомъ и уваженіемъ. Но, можетъ быть, васъ плѣняетъ званіе госпожъ потому, что воображеніе ваше рисуетъ при этомъ толпу окружающихъ васъ вассаловъ? Пусть будетъ такъ: какъ никогда вы не можете быть слишкомъ благородны, такъ и ваша свита не можетъ быть слишкомъ велика. Но смотрите, чтобы это была свита вассаловъ, которымъ вы служите, а не рабовъ, служащихъ, кормящихъ васъ; чтобы толпа, повинующаяся вамъ, состояла изъ людей, участь которыхъ вы не угнетаете, а облег-

*) Мнѣ бы хотѣлось, чтобы для англійскаго юношества учрежденъ былъ настоящій рыцарскій орденъ, въ который принимались бы одинаково и юноши, и дѣвушки въ извѣстномъ возрастѣ, послѣ должнаго испытанія ихъ характера и нравственности, и изъ котораго они исключались бы за каждый безчестный поступокъ, считаеый таковымъ ихъ товарищами. Учрежденіе такого ордена вполне возможно и крайне благотворно въ любой націи, дорожающей своею честью. Если же она невозможна у насъ, то отнюдь не въ силу неразумности предлагаемаго плана.

чаєте, и которыхъ вы освобождаете изъ плѣна, не налагая новыхъ узъ.

90. Все это вполнѣ справедливо по отношенію къ домашнему господству и тѣмъ болѣе къ вашему царственному общественному значенію. Высшее достоинство доступно вамъ, если вы принимаете также и высшую обязанность. Царь и царица—*roi et reine*—правоправящіе—отличаются отъ господина и госпожи тѣмъ, что они имѣютъ власть и надъ душой, т. - е. не только кормятъ и одѣваютъ, но и руководятъ и наставляютъ. Волей или неволей вы должны воцариться во многихъ сердцахъ и не въ правѣ отвергнуть отъ себя эту корону. Царицами вы всегда должны быть: царицами для влюбленныхъ въ васъ, царицами для вашихъ мужей и сыновей, царицами въ высшемъ таинственномъ смыслѣ для всего міра внѣ васъ, который преклоняется и всегда будетъ преклоняться передъ миртовымъ вѣнкомъ и чистымъ, незапятнаннымъ скипетромъ женственности. Но, къ сожалѣнію, вы слишкомъ часто бываете лѣнивыми и безпечными царицами, хватаясь за господство въ самомъ ничтожномъ и отказываясь отъ него въ самомъ главномъ, и тѣмъ предоставляете возможность злоупотребленіямъ и насилію проявляться среди людей вопреки вашей власти, которая, непосредственно проистекая отъ Князя Мира всего міра, обличаетъ нечестивыхъ и прощаетъ доброму.

„Князя мира всего міра“—замѣтите это названіе. Князья царятъ только во имя Его; вельможи и судьи земли въ ихъ тѣсныхъ предѣлахъ и смертныхъ границахъ должны получать свою власть только отъ Него. И нѣтъ другой власти, кромѣ божеской; всякая другая есть ложно присвоенная, и потому всѣ правоправящіе властвуютъ только во имя мира. И нѣтъ той войны, той несправедливости въ мірѣ, за которую вы, женщины, не были бы отвѣтственны: не вы ихъ вызвали, но вы могли имъ воспрепятствовать. Мужчины, по самой природѣ своей, склонны воевать; они готовы дѣлать это при всякомъ ничтожномъ поводѣ и даже безъ всякаго повода. Ваша же обязанность указывать имъ истинное поприще борьбы и удерживать отъ ложнаго. Нѣтъ того страданія, той несправедливости, того бѣдствія на землѣ, въ которомъ вы не были бы повинны. Мужчины могутъ терпѣть зрѣлище ихъ, но вы не должны, въ пылу борьбы они могутъ попираетъ состраданіе, такъ какъ они

мало отзывчивы и маловѣрны, и только вы однѣ способны чувствовать весь ужасъ страданій и вѣрить въ путь избавленія. Въмѣсто же того, чтобы пытаться избавить міръ, вы отворачиваетесь отъ страданій и замыкаетесь въ вашихъ паркахъ и садахъ, обнесенныхъ стѣнами и рѣшетками, и здѣсь вполнѣ довольны, зная, что за предѣлами ихъ есть цѣлый міръ тайнъ, проникнуть въ который вы не дерзаете, и цѣлый міръ страданій, постичь который у васъ не хватаетъ мужества.

92. И это для меня самое поразительное явленіе въ жизни человѣчества. Меня не поражаетъ та бездна паденія, до которой могутъ дойти люди, отклонившись отъ пути чести; я не удивляюсь смерти несчастнаго скупца, изъ ослабѣвшихъ рукъ котораго сыплется золото; я не удивляюсь человѣку, предающемуся чувственности въ то время, какъ ноги его уже окутаны саваномъ; я не удивляюсь убійству, совершаемому человѣкомъ во мракѣ ночи или въ густыхъ тростникахъ болотъ; не удивляюсь даже массовымъ звѣрскимъ убійствамъ, совершаемымъ при дневномъ свѣтѣ безумствующими націями, пастыри и правители которыхъ гордятся грѣхами преступленій, возвышающимися отъ ада до неба; — нѣтъ! все это не поражаетъ меня. Но когда я вижу нѣжную, сострадательную женщину съ ребенкомъ у груди, съ ея властью надъ этимъ ребенкомъ, надъ его отцомъ, съ властью, которая, еслибы она ею дорожила, была бы чище воздуха, обширнѣе морей и обильна тѣми благословеніями, которыя ея мужъ не промѣнялъ бы на весь земной шаръ, хотя бы онъ былъ изъ одного цѣльнаго хризолита; и когда я вижу, какъ эта женщина отказывается отъ своей царственной власти, чтобы оспаривать въ мелочахъ первенство у своей сосѣдки, — то не могу не удивляться и не содрогаться отъ ужаса. Да, удивительно и въ высшей степени горько видѣть, какъ такая женщина, полная самыхъ невинныхъ, свѣжихъ чувствъ, выходитъ утромъ въ садъ полюбоваться дивными вѣнчиками тщательно лелѣемыхъ ею цвѣтовъ, приподнимающихъ свои отягченныя еще росой головки, какъ счастливая улыбка сіяетъ на ея лицѣ, и ни малѣйшая тѣнь не омрачаетъ ея взора, потому что ея тихій уголокъ обнесенъ стѣной, а между тѣмъ она чувствуетъ сердцемъ, что по ту сторону этой стѣны, обвитой розами, люди лежатъ въ агоніи и мечутся на травѣ, обливая ее своимъ потомъ и кровью.

93. Вдумывались - ли вы когда - нибудь въ глубокое значеніе нашего обычая усыпать цвѣтами путь людей, которыхъ мы считаемъ наиболѣе счастливыми? Думаете - ли вы, что мы хотимъ этимъ просто обольщать ихъ надеждой на то, что счастье дождемъ будетъ сыпаться на нихъ, что они всегда будутъ шествовать по благоухающей травѣ, и что кремнистый путь будетъ устланъ для нихъ густымъ слоємъ розъ? Если и они такъ думаютъ, то, конечно, имъ придется брести только по тернистому пути, усѣянному горькими, колючими травами, и мягокъ онъ подъ ихъ ногами будетъ только отъ сугробовъ снѣга. Но нѣтъ, въ этомъ обычай кроется иной, болѣе глубокой смыслъ. Путь доброй женщины дѣйствительно усѣянъ цвѣтами, но только они вырастаютъ вслѣдъ затѣмъ, какъ она проходитъ, а не впереди ея.

Гдѣ касался ножки счастливый,
Вѣтеръ тамъ по ихъ нѣжнымъ слѣдамъ
Щедро сѣялъ фіалки стыдливый.

94. Вы думаете, что это просто праздная фантазія влюбленнаго? А что, еслибы это могло быть въ дѣйствительности? Вы, можетъ быть, считаете фантазіей поэта и слѣдующія его слова:

И пынѣй расцвѣтали цвѣты по лугамъ
И бодрѣ глядѣли унылые.

Мало сказать о женщинѣ, что она не разрушаетъ своимъ прикосновеніемъ: нѣтъ, она должна оживлять; цвѣты должны цвѣсть, а не поникать головками тамъ, гдѣ она проходитъ. Вы думаете, что я высказываю дикія преувеличенія? Ничуть я просто и ясно передаю вамъ глубокую истину. Вы слышали повѣрье (и я думаю, что въ немъ скрывается истина, а не пустая фантазія; но пусть это будетъ только фантазія), будто цвѣты пышно цвѣтутъ въ садахъ только тѣхъ, кто ихъ любитъ. Я знаю, вамъ хотѣлось бы, чтобы это была правда; вамъ правила бы эта магическая сила, благодаря которой ваши цвѣты пынѣе распускались бы отъ вашего ласковаго на нихъ взгляда; мало того, вамъ хотѣлось бы, чтобы вашъ взглядъ обладалъ силой не только ободрять, но и охранять ихъ, отвращать отъ нихъ мрачныхъ тлей и прожорливыхъ гусеницъ, во время засухъ заставляя росу по вашему желанію ниспадать на нихъ, а во время мороза сказать южному вѣтру: „Иди ты, нѣжный, дохни на мой садъ и оживи цвѣты мои“.

Такую силу вы, конечно, считаете великимъ дѣломъ. Но почему же вы не признаете великимъ дѣломъ вашу возможность дѣлать все это и дажегораздо большее для болѣе прекрасныхъ цвѣтовъ, которые вѣчно благословляли бы васъ, еслибы вы ихъ благословили, и вѣчно любили бы васъ, еслибы вы возлюбили ихъ,—для цвѣтовъ, обладающихъ мыслью и жизнью, какъ и вы, и которые были бы спасены навсегда, еслибы вы однажды протянули имъ руку помощи? Развѣ такая власть ничтожна? Тамъ, среди болотъ и скалъ, во мракѣ ужасныхъ улипъ, вьнутъ эти слабые цвѣтики; свѣжіе лепестки ихъ оборвачы, стебли поломаны,—и неужели вы никогда не снизойдете къ нимъ, чтобъ упорядочить ихъ душистыя маленькія рабатки и призрѣть ихъ самихъ, дрожащихъ отъ холода? Неужели одно радостное утро будетъ слѣдовать за другимъ для васъ, но не для нихъ, и заря будетъ попрежнему восходить, чтобы обливаться своимъ радостнымъ свѣтомъ дикую пляску смерти, *) а не оживлять своимъ дыханіемъ эти живыя грядки дикихъ фіалокъ, жимолости и розъ? Неужели изъ-за вашихъ оградъ вы не слышите ихъ призыва, и какъ они называетъ васъ не по имени героини англійскаго поэта, а дантовской великой Матильдой, которая, стоя на берегу счастливой Леты, сплетала цвѣты съ цвѣтами? Они говорятъ вамъ:

Въ садикъ нашъ, Модь, поскорѣй приходи.
Темень ночи прошла; на разсвѣтъ зари
Жимолость пышно цвѣтетъ, и весь садъ
Дивныхъ розъ напоилъ ароматъ.

Неужели вы не сойдете къ нимъ, къ этимъ прелестнымъ живымъ созданіямъ, готовымъ съ новой силой воспрянуть въ дивномъ блескѣ небесныхъ даровъ, со всей мощью дыханія добра, и, омывшись отъ пыли, въ дивной чистотѣ распускать бутонъ за бутономъ пышныхъ цвѣтовъ великихъ дѣяній?

И они попрежнему все еще обращаются къ вамъ и для васъ; жаворонокъ поетъ — „слушаю, слушаю“, и лилія шепчетъ—„жду, жду“.

95. Замѣтили-ли вы, что я пропустилъ двѣ строки? Вы можете быть, думаете, что я ихъ забылъ? Но нѣтъ, выслушайте ихъ теперь:

*) Смотри примѣчаніе къ § 36.

Въ садикъ нашъ, Модъ, поскорѣй приходи.
Темень ночи прошла; на разсвѣтѣ зари,
Какъ летучая мышь, пролетѣла она...
Я стою у воротъ, поджидая тебя.

Кто же стоитъ у воротъ прелестнѣйшаго сада одинъ, поджидая васъ? Слышали-ли вы не о Модъ, а о Магдалинѣ, пришедшей въ садъ рано, когда было еще темно, и какъ она нашла тамъ Того, Кого приняла за садовника? Часто ли вы искали Его, искали тщетно въ долгія ночи у вратъ стараго сада, охраняемаго пламеннымъ мечемъ? Но Его тамъ нѣтъ, а здѣсь, у вашего сада, Онъ всегда ждетъ васъ, чтобы взять васъ за руку и спуститься съ вами въ долины, посмотрѣть на плоды, взглянуть, распустилась ли виноградная лоза, и зацвѣли-ли гранатовыя яблони? Тамъ вы увидите съ Нимъ маленькіе отпрыски лозъ, направляемые Его рукой, увидите гранатовыя яблоки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ капали брызги Его крови, и, болѣе того, вы увидите сонмы ангеловъ-хранителей, отгоняющихъ своими крыльями голодныхъ лисицъ отъ полей, засѣянныхъ Имъ, и услышите, какъ они говорятъ другъ другу сквозь ряды виноградниковъ: „Отгонимъ этихъ лисицъ, этихъ маленькихъ лисицъ, портящихъ виноградники, такъ какъ у нашихъ виноградниковъ нѣжныя лозы“. О вы, женщины-царицы! неужели же среди холмовъ и счастливыхъ садовъ вашей страны лисицы найдутъ себѣ норы, птицы небесныя—гнѣзда, а въ вашихъ городахъ камни попрежнему будутъ вопіять противъ васъ и служить единственнымъ изголовьемъ, на которое Сынъ Человѣческій можетъ преклонить свою голову?!

Примѣчаніе къ § 30.

Относительно увеличенія ренты, даже цѣною смерти бѣдняковъ, мы имѣемъ очевидное свидѣтельство въ предисловіи къ только что опубликованнымъ отчетамъ медицинскихъ санитаровъ Тайному совѣту; въ этомъ предисловіи приводятся факты, которые могутъ заставить многихъ изъ насъ содрогнуться, и я позволю себѣ относительно ихъ отмѣтить слѣдующее:

Существуютъ двѣ теоріи по вопросу о землѣ и обѣ ложныя.

Одна изъ этихъ теорій гласитъ, что въ силу божественнаго закона всегда существовало и должно существовать извѣстное количество наслѣдственныхъ священныхъ лицъ, которымъ земля, воздухъ и вода всего міра принадлежать на правахъ частной собственности; эти немногіе избранные могутъ по своему желанію дозволять или запрещать остальному человѣчеству ѣсть, пить и дышать. Эта теорія не можетъ уже долго существовать. Противоположная теорія утверждаетъ, что подѣливъ всю землю міра между всей чернью міра, мы мгновенно превратимъ всю чернь въ священныхъ личностей; дома будутъ строиться тогда сами собой и хлѣбъ расти тоже самъ собой, такъ что всѣ будутъ въ состояніи жить, не трудясь для поддержанія своего существованія. Эта теорія на практикѣ оказалось бы въ высшей степени неудовлетворительной. Не обойдется, однако, вѣроятно, безъ грубыхъ экспериментовъ и катастрофъ, прежде, чѣмъ большинство людей убѣдится, что никакой законъ относительно чего бы то не было, а тѣмъ болѣе относительно сосредоточенія земли въ немногихъ рукахъ или раздѣленія между всѣми, или высокой и низкой ренты — не будетъ имѣть ни малѣйшаго серьезнаго значенія для народа, пока общая борьба за существованіе останется чисто животнымъ соперничествомъ. Эта борьба въ безпринципной націи принимаетъ ту или другую гибельную форму, не взирая ни на какіе законы, направленные противъ нея. Напримѣръ, было бы вполне цѣлесообразно для Англіи провести законъ, опредѣляющій высшій предѣлъ доходовъ, получаемыхъ каждымъ классомъ, и чтобъ этотъ доходъ выплачивался націей каждому джентельмену какъ опредѣленное жалованіе или извѣстная пенсія, а не выжимался по усмотрѣнію самихъ джентельменовъ изъ съемщиковъ ихъ земель. Но еслибъ

даже вамъ удалось завтра провести такой законъ и еслибъ,— что было бы далѣе желательно—вы могли бы опредѣлить сумму ассигнуемыхъ доходовъ опредѣленнымъ количествомъ чистаго хлѣба, имѣющаго опредѣленно установленную стоимость, то не пройдетъ и года, какъ безмолвнымъ согласіемъ установится новое соперничество, и сила скопленнаго богатства вновь утвердится въ другомъ видѣ и воплотится въ новой формѣ. Есть одно средство избавиться отъ общественнаго недуга, и средство это заключается въ общественномъ воспитаніи, направленномъ на созданіе мыслящихъ, великодушныхъ и справедливыхъ людей. Существуетъ не мало всевозможныхъ законовъ, которые стали бы постепенно улучшать и укрѣплять народный характеръ, но большинство изъ нихъ требуетъ предварительнаго улучшенія національнаго характера. Нація въ юности можетъ быть поддерживаема законами, какъ ребенокъ спинками своего стула, но послѣднія подъ старость уже не выпрямятъ сгорбленной спины.

Къ тому же вопросъ о землѣ въ крайнемъ случаѣ не есть всеразрѣшающій; распредѣлите землю—какъ хотите и главный вопросъ остается все же неразрѣшеннымъ:— Кто станетъ воздѣлывать ее? Кто изъ насъ станетъ выполнять тяжелую и грязную работу на остальныхъ—и за какую плату? Кто будетъ выполнять пріятную и чистую работу и за какую плату? Кто не будетъ выполнять никакой работы и сколько ему придется платить? И много интересныхъ нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ на- ходятся въ связи съ ними.
